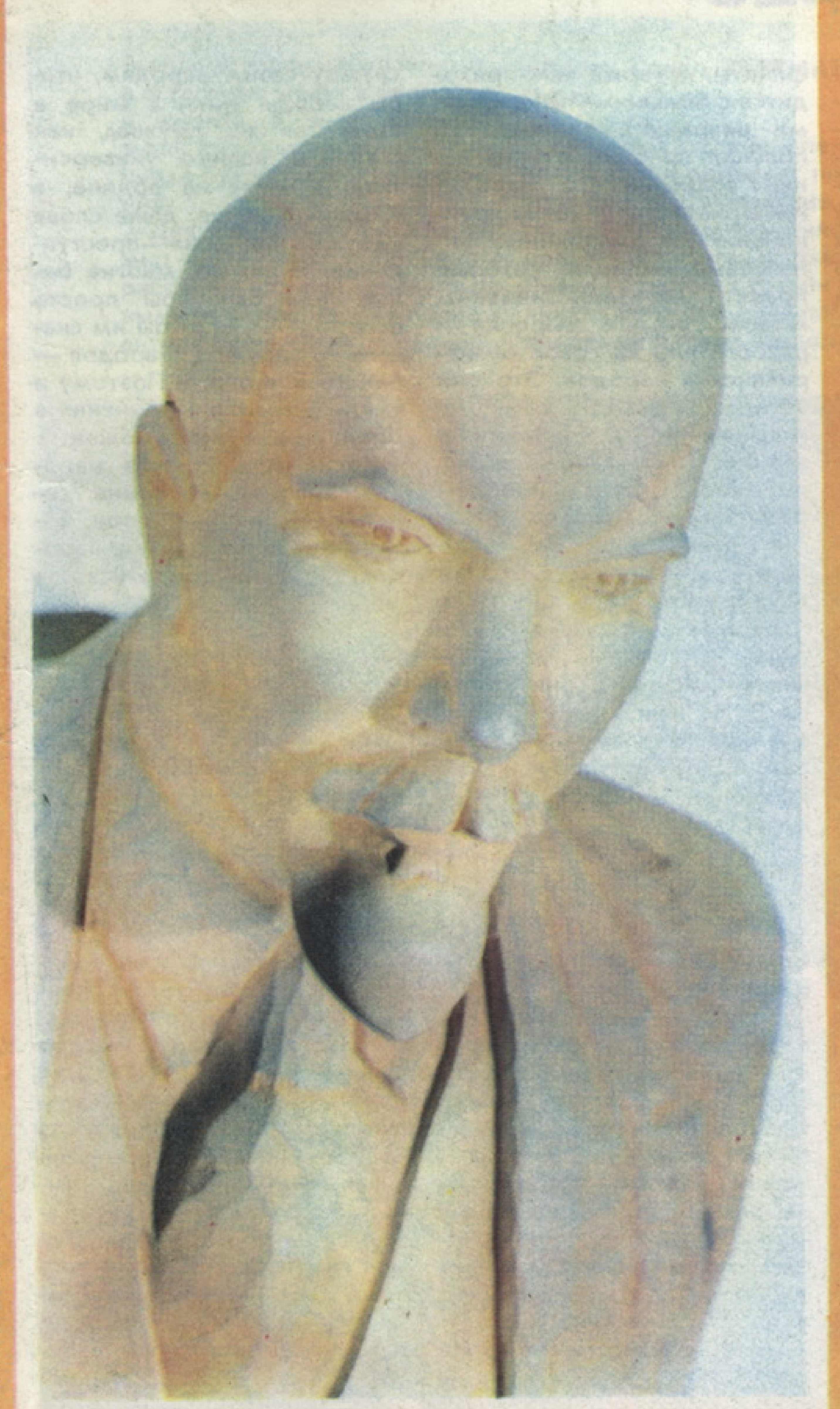
РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

№ 4/83
апрель

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

Яннис РИЦОС,
лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

Товарищ Ленин!
Как постигнуть мне
Величье дел твоих! Бессильно слово
Измерить глубину твоих свершений.
Мечта планеты в имени твоем,
Мечта о мире, о любви, о счастье,
В нем будущности нашей воплощенье.

Товарищ Ленин!
Видел Маяковский,
Как в час необоримый, в час последний
Ты плыл на спинах маршей и рыданий,
А ныне имя гордое твое
Пылает на победных наших стягах.

Товарищ Ленин!
Вдохновитель класса,
Вождь революции, борец, мыслитель,
Ты человечество ведешь к великой цели,
К великой цели — к новой, мирной жизни!

Перевел с греческого Роман ДУБРОВКИН

На снимках: работы художников К. Деепака (Индия) и П. Балканского (Болгария), скульптора Фудзито Такеги (Япония), подаренные Центральному музею В. И. Ленина.

ISSN 0131 — 5994

«ЖУРНАЛИСТЫ — ЛУМУМБОВЦЫ» В «РОВЕСНИКЕ»

В 1980 году на историко-филологическом факультете Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы было открыто отделение международной журналистики. Сейчас там учатся 110 студентов из 27 стран мира. Журналисты-международники организовали пресс-клуб и назвали именем чилийского поэта Пабло Неруды.

Студенты пишут о своих странах, о Советском Союзе, о жизни, заботах и радостях своих ровесников. Не случайно поэтому среди многочисленных встреч в Москве состоялась и эта встреча в нашей редакции, которая положила начало творческому деловому сотрудничеству. Результат сотрудничества — новая рубрика «Журналисты-лумумбовцы — в «Ровеснике», которую мы открываем в этом номере.

«Почему ты пришел на антивоенный митинг!» С таким вопросом «Ровесник» обратился к членам пресс-клуба имени Пабло Неруды, принявшим участие в митинге, посвященном Маршу мира советской молодежи. На снимке внизу: участники митинга в актовом зале Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Хосе Антонио ОЧОА, Колумбия

Каждый из нас пришел на антивоенный митинг с мыслями о своей стране. На моей родине недавно произошло важное событие. Колумбийский совет мира получил статус юридического лица, первым из южноамериканских советов мира. Сразу же наши сторонники мира активизировали свою работу, стали проводить сбор средств в фонд мира, публиковать материалы в защиту мира. Теперь, удовлетворяя требования читателей, все крупнейшие буржуазные газеты выносят на первые полосы сообщения о мирных инициативах вашей страны. Обязательство СССР не применять первым ядерное оружие вызвало широкий отклик и поддержку среди колумбийцев.

У истоков колумбийского движения за мир стояли такие выдающиеся деятели нашей культуры, как Бальдомиро Санин Кано и Хорхе Саламеа, ставшие лауреатами международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», нынешний почетный президент Колумбийского совета мира Габриэль Гарсиа Маркес. Это их настойчивости и авторитету обязаны колумбийские сторонники мира энергичности и популярности антивоенного движения в Колумбии.

Президент Колумбии Белисарио Бетанкур неоднократно заявлял, что забота о мире будет главной задачей государства, что страна намерена вступить в движение неприсоединения и что Колумбия не будет ничьим сателлитом. Такая внешняя политика правительства встречает одобрение и поддержку всех граждан, они надеются, что Колумбия сделает свой вклад в дело мира на нашем континенте, на всей планете.

Виктор Булен БАБА, Судан

«Мир дому вашему!» — так приветствуют меня на родине при встрече. «И вашему дому тоже мир!» — отвечаю я. Когда начали люди говорить друг другу эти прекрасные слова? Я думаю, едва начав говорить, человек желал мира себе, своим близким, а значит, и всем. И сколько будет существовать человечество, пожелание «Мир дому вашему!» всегда будет самым добрым и желанным.

Все нормальные люди хотят мира. Как же тогда возникают войны? Обратимся к истории, например, Африки. История свидетельствует: мы не обращали в рабов жителей других континентов, не грабили богатства других стран, не заполняли свои музеи украденными у других сокровищами. Это империалисты пришли в Африку, чтобы грабить наши богатства, сеять вражду между африканскими народами, создавать конфликты, которые нам приходится с большими трудностями разрешать теперь. Кто получал прибыль от страданий африканского народа? Империалисты. Многие крупнейшие промышленно-финансовые империи, которые правят капиталистическим миром сегодня, выросли и разбогатели на грабеже африканских народов. Это они хотели бы разжечь войну на Африканском континенте, это они боятся мира, потому что мир помогает народам объединить свои силы и выгнать угнетателей, мир — это братство трудящихся, это сотрудничество, это прогресс.

Народам африканских государств военные базы совсем ни к чему, они выступают за ликвидацию такой военной угрозы на своей земле, мы все требуем превращения Африки в зону мира.

Номхе ГЕУ, Южная Африка

Название университета, где я учусь,— Дружбы народов — для меня имеет особый смысл. В вашей стране я впервые почувствовала, что такое возможно. Это прекрасно, когда молодые люди из разных стран, с разных континентов, представляющие разные народы, живут и учатся под одной крышей, и цель у них одна — полученные знания поставить на службу своим народам, чтобы народы жили в мире и были так же дружны, как студенты нашего университета. У меня на родине, в Южной Африке, даже слова «дружба народов»—преступление. Я думаю, многие белые там были бы просто оскорблены, если бы им сказали о дружбе народов — белого и черного. Поэтому и такой антивоенный митинг в моей стране невозможен.

Когда есть дружба народов, невозможна война, сегодня все честные люди, которые стоят за дружбу народов, должны бороться за мир.

Висенте МОРАЛЕС, Эквадор

В Эквадоре богатые месторождения нефти, природного газа, серебра, золота, плодородная земля, а народ мой живет в нищете. Почему? Потому что внешняя и внутренняя политика страны не отвечает интересам трудящихся. Вот один пример. Эквадор продает нефть США и в США же покупает бензин, смазочные масла и другие продукты нефтепереработки, переплачивая в четыре раза за каждый баррель. Как это отражается на жизни людей? Растет квартплата, цены на топливо, свет, на продукты питания. Пять процентов богатых эквадорцев делят при-

быль с североамериканцами, а остальные живут в бедности и нищете. В знак протеста люди выходят на демонстрации, а тут их уже ждет полиция.

Для эквадорцев борьба за мир — это борьба против ограбления страны реакционными политиками и их покровителями из США.

Абдель Салам ТУРКМАНИ, Ливан

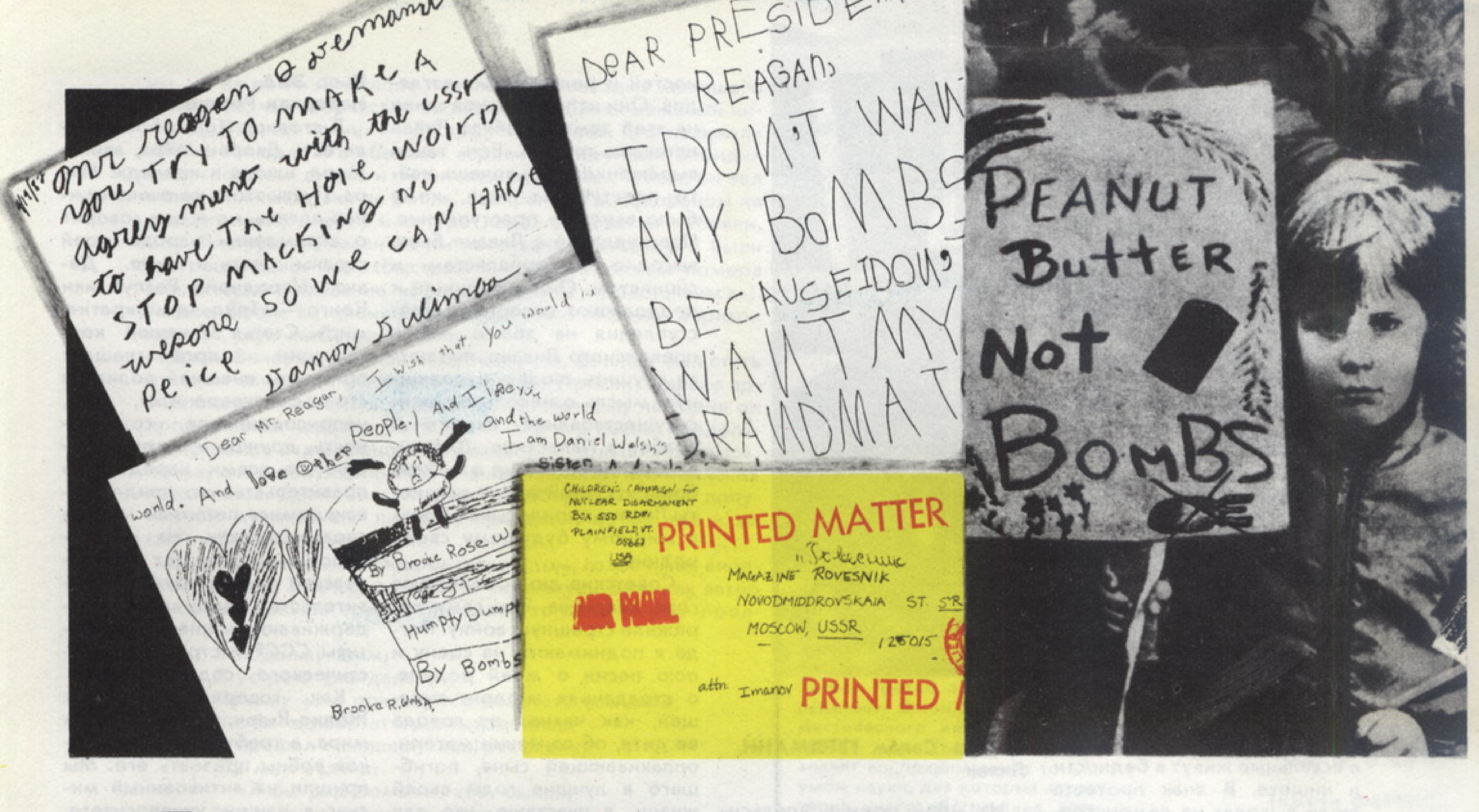
На моей родине апельсиновые рощи приносят по три урожая в год. Ливанские кедры во всем мире синоним долголетия, силы и красоты. Ливан — райский уголок земли. И таким его сделали люди. Люди разных национальностей и религиозных взглядов. Они испокон веков жили на этой земле. Сейчас Ливан истекает кровью. Есть такое выражение: если хочешь найти преступника, ищи, кому было выгодно преступление. Преступление в Ливане было выгодно империалистам и сионистам. Они совершили и продолжают совершать преступления на земле моего прекрасного Ливана, пытаются внушить людям чудовищную мысль о невозможности сосуществования евреев и арабов в Палестине. Для ливанцев сегодня мир означает борьбу. Ценой жизни патриоты Ливана прокладывают путь к мирному будущему своей родины.

Советские люди понимают горе ливанцев, они сами пережили страшную войну. Когда я поднимаюсь на сцену и пою песни о моей родине, о страданиях матери, видящей, как чахнет от голода ее дитя, об отчаянии матери, оплакивающей сына, погибшего в лучшие годы своей жизни, я чувствую, что зал понимает и поддерживает меня. Поднимаются вверх сжатые в кулак руки — это символ солидарности с борьбой моего народа. И эта солидарность придает нам силы.

Пьер ЭБА, Народная Республика Конго

В столице Конго Браззавиле есть Дворец Мира, авеню Мира, школа и колледж Мира. Пусть это и не очень важная деталь, но и она говорит о стремлении народа моей страны жить в мире. Девиз Народной Республики Конго — «Труд, демократия, мир». Статья 37 нашей конституции провозглашает принципы внешней политики страны: суверенитет, мир, неприсоединение, солидарность, дружба и сотрудничество со всеми народами и правительствами, придерживающимися политики мира и справедливости. На международных форумах Конголезская партия труда и правительство Конго всегда поддерживают мирные инициативы СССР и стран социалистического содружества.

Как говорил Фредерик Жолио-Кюри, мы не просим мира, а требуем у сторонников войны признать его. Мы пришли на антивоенный митинг в нашем университете, носящем имя героя конголезского народа Патриса Лумумбы, чтобы сказать: «Мир — жизненная необходимость». Это воля народов мира и воля моего народа, народа Конго.

«Я хочу стать взрослым...»

«Президент Рейган,

как вы можете говорить о мире, когда огромные экономические средства вы тратите на милитаризацию?

Каждый гражданин нашей страны гораздо больше будет ценить и доверять нашим лидерам, если будет чувствовать, что те, кому доверена их жизнь, вполне заслуживают этого доверия, не пользуются властью над миллионами людей для достижения своих личных целей, для ощущения своего могущества.

Это просто смешно, что вы — президент — более беспечны в вопросе разоружения, чем группка детей. Хотя это не так уж смешно...

Нелли Рейфлер, Нью-Йорк».

«М-р президент,

я против ядерного оружия. Я смотрел телевизор и видел, как плачет женщина, потому что у нее нет денег. Вы забираете все деньги и тратите их на атомные бомбы. Зачем вы это делаете? В моей школе мы вынуждены продавать попкорн (воздушную кукурузу.— Р.), чтобы учиться, а вы тратите деньги на бомбы. Вы урезаете пособия, и старые люди голодают. Для меня — это самое большое преступление в мире. Мы сдаем банки и старые газеты в утильсырье. Пожалуйста, остановите бомбы, пока мы все не погибли.

Искренне,

Джерри Гёднер, 8 лет.

Санта-Барбара, Калифорния».

«Дорогой президент Рейган,

я не хочу никаких бомб, потому что я не хочу, чтобы умерла моя бабушка.

Спасибо.

Луис Родригес, 6 лет».

«Мистер президент,

почему вы хотите ядерной войны? Почему вам не принять точку зрения других людей? Пожалуйста, не используйте это смертельное оружие, потому что я ненавижу его!

Я бы дал деньги бедным людям, а не ядерным бомбам!!!!!

Я слышал про Хиросиму в Японии.

Искренне,

Патрик П. Фаррэн, 10 лет».

От редакции: Уже два года, как эти письма приходят на адрес штаб-квартиры кампании «Дети за ядерное разоружение»: Плейнфилд, штат Вермонт, 0566. Их собирают, читают перед Белым домом организаторы кампании — такие же дети, как и все ее участники.

А началось все так: сестры Ханна и Несса Рэбин, Сюзи и Бекки Дениссон, Мария и Солведж Шуман решили создать детскую организацию борьбы за мир, провести свой марш мира. Но многих бы не отпустили родители. И появилась идея организовать кампанию писем детей президенту Рейгану. В сотни комитетов мира, церквей, школ подруги разослали свое предложение. И потекли письма, тысячи детских писем.

Обо всем этом мы прочитали в одном из номеров американского еженедельника «Вилледж войс». К статье прилагался номер телефона для справок. Мы позвонили. Да, ответили нам, эти письма мы с удовольствием пришлем, и пусть их напечатают в советском журнале. Действительно, уже через неделю конверт с копиями писем американских детей президенту Рейгану оказался в редакционной почте. А о самом движении вам лучше всего расскажет одна из его организаторов, посоветовали нам. И предложили телефон Ханны Рэбин.

Ей семнадцать, она учится в школе-интернате Филлипса в Адовере, штат Массачусетс. Просыпается в 6.30 утра, в 7.30 идет на занятия. Нам удалось дозвониться только в 7.15. Вот такой получился у нас разговор:

— Хэлло?!

— Мы хотели бы поговорить с Ханной Рэбин.

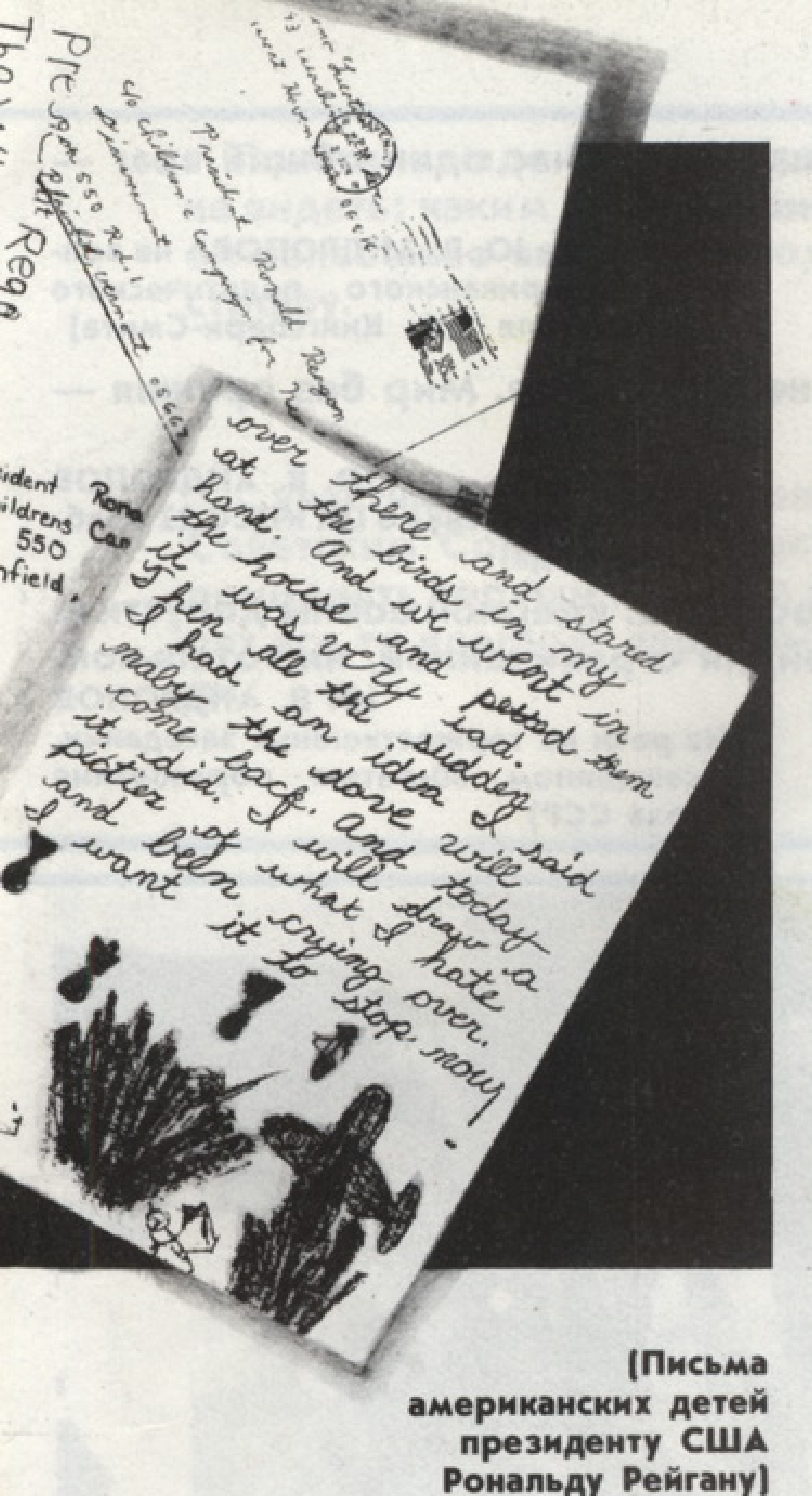
— Я слушаю.

— С добрым утром, Ханна. Можно взять у вас интервью?

— Конечно. Только у меня всего 15 минут.

— Постараемся уложиться. Итак, первый вопрос: почему вы решили организовать кампанию писем детей президенту Рейгану?

— Потому что мы очень испуганы. Потому что мы поняли, что, возможно, мир взорвется в ядерной войне до того, как мы станем взрослыми. Мы говорили об этом между со-

Движение за мир в США используется людьми, которые хотят ослабления мощи Америки.

(Из речи президента Рейгана в штате Огайо в октябре 1982 года)

Восстанавливая военную и стратегическую мощь Америки, мы приняли на вооружение такую внешнюю политику, которая... призывает к глобальному крестовому походу.

(Из речи президента Рейгана в штате Огайо в октябре 1982 года)

Можно планировать использование тактических ядерных вооружений против войск на поле боя так, чтобы это не заставило одну из великих держав нажать на кнопку.

(Из речи президента Рейгана 16 октября 1982 года)

Уцелеет только некоторая часть нашего населения и некоторая часть объектов, но можно будет начать все сначала.

(Из ответов президента Рейгана американскому журналисту Роберту Шиэру)

Следует разработать планы применения первыми ядерных сил ТВД (театров военных действий.— Ред.) и их возможного дальнейшего использования, что даст национальному командованию возможность гибко использовать ядерные силы на различных уровнях.

(Из директивы Пентагона в области обороны на 1984—1988 финансовые годы)

(Письма американских детей президенту США Рональду Рейгану)

«М-р Рейган,

я требую, чтобы вы постарались заключить договор с СССР, чтобы весь мир перестал делать атомные бомбы, чтобы мы могли жить в мире.

Деймон Дулимов».

«Дорогой президент Рейган,

меня зовут Мариджке. Я живу в Йекоа, штат Вашингтон. Мне 9 лет. Я учусь в четвертом классе. Я против гонки вооружений. Мне бы хотелось, чтобы США и СССР разоружились. Я не хочу В-1, «МХ», «Трайдент», крылатых ракет и многих других. Я верю, что мы можем жить в мире без гонки вооружений.

Шалом Мариджке Хоурт».

«Дорогой м-р президент,

меня зовут Лесли Урайт. Мне 6 лет. Мне надоело, что вы делаете эти бомбы. Не перестанете ли вы делать эти бомбы, потому что мне надоело, что вы делаете эти бомбы.

От Лесли Урайт».

«Дорогой м-р Рейган, жаль, что вы не любите людей. А я люблю других людей. Еще я люблю вас и весь мир. Я сестра Даниэля Уэлша. И я помогаю маме (на картинке нарисован пузатый человечек и подпись: «Бруки Роуз Уэлш нарисовала, как Хампти-Дампти взрывает бомбы»; рядом — два сердца, большое и маленькое, в большом— еще три сердца)».

«Тому, кого это касается,

я считаю, что гонку ядерных вооружений нужно остановить. Взрослые кричат на детей, если те разбивают вазу или лампу, но, если начнется ядерная война, не только лампы разобьются — это будет вторая мировая война в каждую секунду. Взрослые говорят: «Учись, чтобы потом устроиться на хорошую работу». Но если начнется ядерная война, получится так, что не останется нас, чтобы вообще работать.

Поэтому я считаю, что гонку ядерных вооружений нужно остановить сейчас, чтобы не произошло ядерной войны, чтобы мы жили и росли в нормальном мире. Это несправедливо, если взрослые разрушат наш мир, в котором мы

бой в нашей маленькой компании подруг. А потом решили, что просто говорить об этом — мало, нужно узнать, что думают об этом другие дети. Настало время как-то действовать, повлиять на наше правительство.

Сначала мы были всего лишь компания подруг. Теперь нас тысячи и тысячи американских детей всех возрастов. Это целая организация, у которой много местных отделений — около пятидесяти, во многих штатах.

— Чем занимается ваша организация?

— Мы просим всех детей страны писать президенту Рейгану письма, протестующие против гонки ядерных вооружений. Мы уже дважды ходили с этими письмами к Белому дому. Перед Белым домом мы читали их вслух. Мы попытались прочитать их лично президенту Рейгану, но он не захотел нас принять ни в первый, ни во второй раз.

— Как относятся к вашей кампании взрослые?

— Большинство взрослых нас поддерживает. Они говорят, что мы делаем хорошее дело. Мы все делаем сами, мы — дети. Но некоторые (поправляется), многие против. Они считают, что ядерное оружие нам необходимо — для защиты от... (смеется) Советского Союза. А мы говорим, что угроза не Советский Союз, а ядерные бомбы. Ядерные бомбы — вот сейчас самое опасное в мире...

— Что бы вы хотели пожелать читателям «Ровесника»?

— Знаете, угроза ядерной войны объединяет людей в разных странах. Потому что ядерное оружие — оно против всех людей. И очень важно, чтобы каждый повсюду в мире делал все, что в его силах, чтобы положить конец гонке ядерных вооружений. Только так можно сделать мир безопасным для всех детей.

— И последний вопрос: кем вы хотите стать?

— Я интересуюсь литературой, музыкой, международной политикой, но мечтаю, когда закончу школу, работать совсем в другой области. Я хочу стать врачом.

P. S. Этот номер «Ровесника» редакция пошлет Ханне и ее друзьям.

могли бы прожить хорошую жизнь, как наши родители. Если бы такое случилось, когда взрослые были детьми, как мы, они бы так же разозлились.

Всегда, когда мы говорим старшим: «Не разрушайте наш мир», они говорят: «О! Тебе не стоит ни о чем беспокоиться». А мы знаем, что мы должны беспокоиться, будем мы жить или умрем.

Мне 12 лет. Искренне, Блэр Карр. Оклахома-Сити».

«Дорогой президент Рейган,

меня зовут Джессика Роуз. Мне 9 лет. Я живу в Бруклине, Нью-Йорк. Я слышала, что Нью-Йорк — одна из главных целей русских ядерных ракет! Я очень боюсь. Каждый день, когда я просыпаюсь и когда иду спать, мне приходится думать о США и СССР и о том, что русские начнут ядерную войну. Если так, то Земля погибнет. Я люблю жизнь и мир, и я думаю, что это гораздо важнее, чем тратить деньги на то, что может убить тебя и всех остальных! Главная цель этого письма — замораживание ядерных арсеналов и жизнь. Надеюсь, что вам понятно. Пожалуйста, остановитесь! Я беспокоюсь за свою жизнь, и моих родителей, и моих друзей. Все мои друзья и моя сестра (мы двойняшки) согласны со мной, что нужно заморозить ядерные арсеналы.

Искренне ваша Джессика Роуз. Спасибо, что вы прочли мое письмо».

«Дорогой м-р Рей Ган [1],

вы сделали мою жизнь очень тяжелой!! Мой отец ветеран вьетнамской войны и не может работать. А вы помогаете его болезни. Сначала он воевал, а теперь у нас меньше продовольственных талонов, чем было раньше. Вы отняли это продовольствие у нас, просто чтобы делать бомбы, которые будут убивать других отцов или делать их больными, как мой отец. Каждую ночь я ложусь в постель и плачу, потому что отец и мать дерутся и тоже плачут, потому что у нас нет еды и из-за болезни отца, которую он получил во время войны. Я никогда не пойду воевать, чтобы делать людей больными или убивать их. Вы очень гадкий человек, если вы не перестанете делать то, что делаете сейчас. От этого я становлюсь больным, как мой отец. Я хочу, чтобы все мы перестали плакать и снова могли нормально питаться. Если вы не верите, что я плакал, когда все это писал — вот, везде, где упали слезы, я обвел их кружочками.

Не ваш друг Брайэн Лоэ, Миннеаполис».

«Дорогой м-р президент,

пожалуйста, перестаньте делать бомбы, если вы будете продолжать, вы сделаете очень большую ошибку и очень пожалеете, потому что будете уничтожены и Земля тоже, подписал маленький семилетний мальчик, которого зовут Джошуа».

[1] *Игра слов: «рей» — «ура», «ган» — «пушка» (англ.).— Примеч. пер.*

У советских людей и американцев сейчас один общий враг — угроза войны и все, что ее усиливает.

(Из ответов Ю. В. АНДРОПОВА на вопросы американского политического обозревателя Дж. Кингсбери-Смита)

...военное соперничество — не наш выбор. Мир без оружия — вот идеал социализма.

Ю. В. АНДРОПОВ
(Из речи на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 года)

Наша позиция по этому вопросу ясна: ядерной войны допустить нельзя — ни малой, ни большой, ни ограниченной, ни тотальной.

Ю. В. АНДРОПОВ
(Из речи на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования Союза ССР)

ПРИЕМ В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ СССР

Л. ШВЕДОВА,
корреспондент ТАСС — специально для «Ровесника»

Этот кабинет в Московском Кремле помнит много встреч, оказавших позитивное влияние на отношения между народами. За большим рабочим столом представители разных стран обсуждали самые важные проблемы мира и международного сотрудничества. Недавно здесь состоялась беседа советских парламентариев с американскими конгрессменами. А вот школьники — американские школьники из Сан-Франциско — такие посетители здесь впервые. Их пятеро. Им от восьми до четырнадцати. Все члены организации «Дети учат миру».

4 января юных американских борцов за мир принял Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Виталий Петрович Рубен.

— Приветствуем вас здесь, в Кремле, как посланцев американского народа. Я вижу в вашем лице будущее Америки,— сказал В. П. Рубен.— Это очень важно, что в борьбе за прочный мир на земле в одном ряду со взрослыми стоят дети, поскольку чем больше людей, выступающих против ядерной войны, тем меньше ее опасность.

Какое это близкое и дорогое для всех слово — мир! Именно с него начинается история Страны Советов. Первым документом нашего государства был Декрет о мире. И теперь, спустя десятилетия, СССР, выполняя заветы В. И. Ленина, высоко несет знамя мира. Мы глубоко убеждены, подчеркнул Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, что в наш неспокойный ядерный век единственно правильной и разумной политикой является политика мира и сотрудничества всех народов. Советский Союз сделал немало конкретных шагов, направленных на упрочение мира и безопасности. Один из них — обязательство не применять первым ядерное оружие. Советские предложения по сохранению мира на земле четко изложены в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова.

В. П. Рубен подробно рассказал американским ребятам о советских мирных инициативах, о нашей стране, о крепкой дружбе народов пятнадцати союзных республик, о большой заботе, которой окружены в СССР дети.

С ответной речью выступила одна из руководительниц организации молодая американская учительница Пат Монтандон:

— Когда мы входили в кабинет, часы пробили одиннадцать, и это показалось мне символичным. Я как бы почувствовала: в борьбе за мир нельзя терять

Поистине надо быть слепым к реальностям нашей эпохи, чтобы не видеть: каким бы образом, где бы ни вспыхнул ядерный смерч, он неизбежно выйдет из-под контроля, вызовет всеобщую катастрофу.

Ю. В. АНДРОПОВ

(Из речи на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования Союза ССР)

...участники совещания ожидают, что после принятия на себя Советским Союзом в одностороннем порядке обязательства не применять первым ядерное оружие аналогичным образом поступят все те ядерные державы, которые до сих пор этого не сделали.

(Из пражской Политической декларации государств — участников Варшавского Договора)

времени. Сейчас как никогда важно активизировать эту борьбу, укреплять взаимопонимание между людьми. Бывает так, что самый простой способ выражения чувств становится и самым действенным. А что может быть искренней чувств ребенка? Вот почему в США несколько месяцев назад была создана эта организация — «Дети учат миру». Вот почему были собраны десятки тысяч детских писем. Оставив часть корреспонденции в госдепартаменте США, мы, представители этого движения, отправились с визитами в другие страны. Мы надеемся,— подчеркнула гостья,— что эти письма будут внимательно прочитаны, а наш визит будет расценен как миссия доброй воли.

Наступивший год по решению ООН объявлен Всемирным годом связи. Дети планеты укрепляют контакты, обмениваясь письмами, рисунками, выражая в них свои мысли, чувства, надежды. Показательно, что все они независимо от цвета кожи смотрят на мир одинаково, хотят видеть над землей мирное небо. В этом мы еще раз убедились, посетив выставку рисунков в Московском Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах. Солнце и радугу — вот что чаще всего рисуют советские мальчишки и девчонки, потому что они так же, как американские дети, хотят жить в мире и не хотят бомбежек.

Далее выступили американские школьники. Они зачитали некоторые письма:

«Я не хочу, чтобы цветы погибли...» «Мир позволяет быть людям добрее друг к другу...» «Мир — это прикосновение отцовской руки и когда тебе говорят: «Я люблю тебя...» На многих подписи: «Генеральному секретарю Ю. В. Андропову». Пять разноцветных пакетов с письмами были вручены В. П. Рубену, обещавшему американским детям передать их Генеральному секретарю ЦК КПСС.

— Большое спасибо, ребята, за ваши письма и рисунки,— сказал В. П. Рубен.— Спасибо за ваши улыбки, за эту встречу. Мы хотим видеть в ней искреннее стремление американского народа к установлению добрых отношений с советским народом.

А затем дети, взяв в руки пакеты, встали в ряд так, что написанные на мешках буквы составили слово «Peace» — «Мир» и завершили эту необычную встречу песней, в которой были такие слова:

Мир — это наше будущее,
Надежда на восход солнца.
Мир — это мечта,
К которой надо стремиться.
Так давайте мечтать
Вместе с детьми.

На снимках: Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен, Председатель Советского комитета защиты мира Г. А. Жуков принимают делегацию организации «Дети учат миру».

«Дорогой президент Рейган!

Мне не нравится война, но зато нравится ваша стрижка и то, что вы любите «Джели бинз». Мне не нравятся люди, посылающие бомбы.

Даниэль Маркот, 7 лет».

«Дорогой президент Рейган,

меня зовут Дейвид Хейис. Мне 10 лет. Я считаю, что атомная война плохая, потому что много невинных людей погибнут. Даже весь мир может быть разрушен. Я не хочу умирать. Я не хочу, чтобы умерли мои родители. Я хочу расти и стать взрослым. Пожалуйста, остановите атомные бомбы. Пожалуйста, постарайтесь сделать так, чтобы в мире было ядерное разоружение.

Искренне, Дейвид Хейис.
Гройеленд, Массачусетс».

«Президент Рейган,

я сознательный член человеческой расы. Я убежден, если производство ядерного оружия продолжится, планету ждет довольно мрачное будущее. Обидно, что человек, проживший всего шестнадцать лет, так мало надеется. В некотором смысле, возможно, мною движет эгоизм. Я не хочу умирать, не хочу, чтобы умерли те, кого я люблю. Но я не хочу ничьей смерти, особенно так — от ядерных бомб. Единственное возможное решение этой проблемы (а эта проблема существует) — ПОЛНОЕ ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ. Покуда существует хотя бы одна ядерная бомба, существует угроза всему человечеству.

С глубокой искренностью,
Элан Гудмэн.
Мелвилл, Нью-Йорк».

«Дорогой м-р Рейган,

я думаю, что атомные бомбы — это паршиво. Мне десять лет. Я хочу стать взрослым и иметь свою семью. Но как вы действуете, мне от этого мало пользы. Я скажу вам пару причин, почему вы должны остановиться. Одна из них — это бесполезно, потому что, если вы запустите ракеты, вы и сами умрете. Другая причина — это, если вы их запустите, не останется никого, чтобы стать президентом после вас.

Искренне ваш
Мик Абрахэм».

«Дорогой м-р президент,

пожалуйста, м-р президент, не остановите ли вы ядерную войну, которая может начаться. Потому что это нечестно: вы выросли, и у вас есть семья, почему вы отнимаете это право у нас? Ведь, если вы будете делать еще бомбы и запустите их, вы убьете Землю и себя. Еще вы убьете свою жену, но, наверное, вам все равно, не так ли? Еще вы убьете миллиарды людей, которые ни в чем не виноваты, но из-за вас мы должны умереть. Мы ни в чем не виноваты, вы слышите, ни в чем не виноваты, и мы хотим остановить войну, но кому хочется остановить нас — так это вам.

Искренне, Брус Сейдж, 11 лет.
Биттлтон, Нью-Гемпшир».

смотрите:

На этих снимках — Народная Республика Ангола, страна нелегкой судьбы, большого мужества и удивительного жизнелюбия. Четыре века колониального португальского ига, тринадцать лет вооруженной освободительной войны, почти восемь лет строительства новой жизни в условиях постоянных агрессивных наскоков расистской ЮАР. Не хотят империалисты оставить в покое ангольский народ! И все-таки — посмотрите на снимки, на лица защитников молодой республики, крестьян, детей — народ Анголы уверен, что будущее навсегда и безраздельно принадлежит ему.

Фото
А. КАРЗАНОВА

Невесомость всегда наступала неожиданно. Как в детском аттракционе — будто летишь с горы. Ступни отскакивают от пола, руки отталкиваются от подлокотников, внутри что-то обрывается, и ты летишь, как резиновый мячик в замедленной съемке.

Потом Ил-76 снова набирает высоту, и невесомость сменяется перегрузками. Руки судорожно сжимаются в кулаки, больно пошевелить пальцем, все мышцы так напряжены, что кажется, вот-вот разорвутся. Самолет, набрав высоту, снова начинает падать по параболе. Пилот должен прочертить в небе точную кривую, следя за тем, чтобы ускорение было равно нулю. Снова наступает невесомость. Потом опять перегрузки, и так по десять-пятнадцать раз. Надо быть готовым ко всему. Ведь в космосе не скажешь пилоту: «Подожди немного, мне необходимо передохнуть». Себя не жалели. Работали на пределе человеческих сил. Патрик Бодри и Жан-Лу Кретьен готовились к полету первого гражданина Франции в космос. Космос начинался на Земле.

Русская зима оказалась не легендой и не мифом. И мороз тоже непростое испытание для французских космонавтов. И чужой язык. И то, что до Франции тысячи километров отсюда, из Звездного городка, что лежит недалеко от Москвы.

С четырнадцатого этажа далеко видны леса Подмосковья. Жан-Лу Кретьен и Патрик Бодри соседи, их квартиры на одной лестничной клетке. Патрик Бодри приехал с женой и дочкой, у нее красивое имя Мелодия. Семья Жан-Лу осталась во Франции. За стеклом шкафа фотографии четырех его сыновей.

Жан-Лу впервые появился в Звездном на костыле. Правая нога была в гипсе. Так неудачно закончился его последний прыжок на парашютных состязаниях кандидатов. Сначала их было более четырехсот — военные и гражданские летчики, моряки, ученые, инженеры. Из десятков абсолютно здоровых тренированных людей выбор пал именно на него, загипсованного. Риск врачей оправдался. Может быть, потому они и выбрали Жан-Лу Кретьена, что настоящий характер, волевой настрой — качества, так необходимые космонавту, проявляются не только в здоровье.

Во Франции много ученых, инженеров, занимающихся космическими путешествиями. Самих «путешественников» еще не было. Один из двух кандидатов должен был стать первым французским космонавтом. Тогда еще никто не знал, что счастье выпадет Жан-Лу.

Начинать приходилось с самого элементарного. Необходимо было выучить как можно больше русских слов, особенно техническую лексику, непосредственно связанную с работой.

ГОД В ЗВЕЗДНОМ ГОРОДКЕ

Бернар ШАБЕР,
французский журналист
Фото ТАСС

Мелодия, дочь Патрика Бодри, пошла в детский сад и очень быстро овладела языком. Патрику в его годы язык давался не так легко, и он с завистью слушал, как дочка болтает по-русски.

Было трудно. Тем более что метод обучения в Звездном городке отличается от того, к какому они привыкли. Здесь старались не пользоваться учебниками, полагаясь лишь на память. Трудно, но зато эффективно, это они поняли позже.

Советские коллеги стремились создать для них максимально благоприятные психологические условия.

Казалось бы, чужая страна, чужой язык, чужие люди. Первое, что поразило,— как быстро все это стало своим.

Их окружало гостеприимство, внимание и дружелюбие — без превосходства, без снисходительности.

Улыбки здесь теплее, рукопожатия крепче.

Когда полетел кубинец Мендес, Патрик Бодри и Жан-Лу Кретьен си-

ощутили себя близкими и нужными тем, кто покидал тогда Землю, и тем, кто провожал на Земле.

Времени не хватало. Приходилось работать даже в выходные дни. Занятия, тренировки, каждый день с утра до позднего вечера. На орбите им предстояло выполнить медико-биологические, технологические, астрофизические эксперименты, проводить исследование земной атмосферы, фотографировать поверхность Земли. Это требовало от космонавтов поистине энциклопедических знаний.

Десятки раз отрабатывали космонавты свои действия в случае всевозможных неожиданностей: отказ двигателя, отключение автоматики расхода жидкости, прекращение подачи кислорода и т. д. Космонавт должен быть готов ко всему и в любой ситуации уметь не растеряться. И снова тренировки, недели тренировок, месяцы тренировок.

Мелочей нет, здесь все важно. Скафандр Жан-Лу Кретьен и Патрик Бодри сначала надевали за 40 минут. На орбите на эту операцию должно уходить семь. Значит, работать и работать.

Когда первые волнения ушли и жизнь превратилась в будни, самые необычные предкосмические будни, с языком и со временем стало полегче, и французские космонавты стали выбираться в Москву. За год они успели полюбить этот город. У каждого в нем было свое, особенно любимое место. Мелодия каждый раз рвалась в цирк.

И все же досуга было мало. Когда вдруг оставалось свободное время, Жан-Лу спешил к органу, который привез с собой в Звездный городок. В музыке Баха, Франсуа Куперэна он находил близкую его душе космическую стихию. Он весь отдавался музыке. Ему казалось, такие же чувства он мог бы испытывать на борту космического корабля в 400 километрах над поверхностью Земли.

Мелодия по вечерам занималась в кружке танцев, и Патрик Бодри часто заходил за ней после собственных занятий. Перед сном он читал ей русские сказки, и Мелодия, хохоча, поправляла отца, когда он неправильно произносил русские слова.

Теоретическая подготовка все время сочеталась с физической. Уступая советским космонавтам в общефизической подготовке, Патрик и Жан-Лу обладали хорошими спортивными навыками. Сказалось их увлечение спортом на родине: лыжи, бег, прыжки в воду, велосипед, парусный спорт. Самым сложным испытанием, пожалуй, была центрифуга, но и тут французские космонавты не ударили в грязь лицом.

Занятия начинались в половине девятого и потом продолжались после обеда. Обедали в столовой вместе с другими космонавтами. Рядом сидели румыны и монголы. Жан-Лу и Патрик быстро подружились с ними. Языком общения стал русский.

Летом с Алексеем Леоновым поехали в Феодосию, прекрасный город на берегу Черного моря. Патрику Бодри и Жан-Лу Кретьену особенно понравился музей маринистов. Но привезли их сюда не только в туристических целях.

Космонавт должен быть готов ко всему. Даже к тому, что космический корабль не приземлится, а приводнится. Космический путешественник и здесь должен не растеряться, а это не так-то просто. Макет «Союза» прыгал в море как пинг-понговый мячик. Космический корабль не самое лучшее средство для морской навигации. Приспособленный к космосу, он совсем беспомощен на воде, кувыркается во все стороны даже при самых маленьких волнах. Вынести такую качку нелегко. Надо, чтобы организм был натренирован, как у настоящего морского волка.

Готовились вдвоем, полетел один.

— Значит, все зря, труды напрасны? — спросили у Патрика Бодри.

Он улыбнулся:

— Ведь все это было, и Звездный городок, и новые друзья. А то, что я не полетел в космос...— Он улыбается и пожимает плечами.— Все еще впереди.

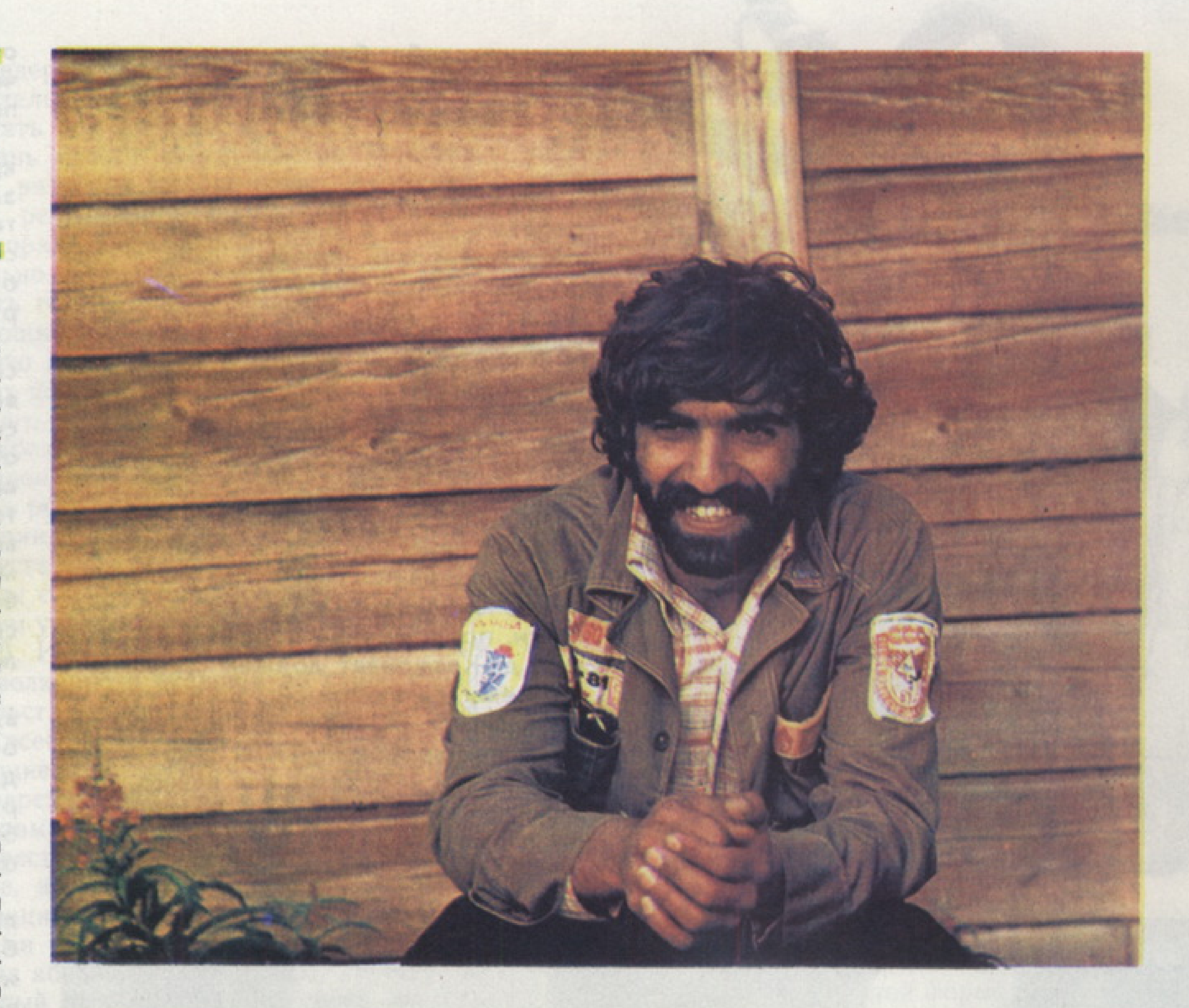
дели в главном зале Центра управления полетом. Они пришли смотреть на старт космического корабля. Все, каждая деталь, каждая мелочь были важны и необходимы, они внимательно смотрели и все запоминали. Но самое удивительное происходило не на экране. Ответственность момента исключала эмоции. Они ожидали сдержанности и хладнокровия. Так было в Хьюстоне. Здесь же никто не стеснялся своих чувств. В огромном зале все обнимались, смеялись, радовались, как дети. Именно в тот момент открылась для французских космонавтов простая и очевидная истина. Здесь все — одна большая семья. Здесь все родные. И они, два француза, тоже. Тогда они и заразились этим чувством,

Потом Жан-Лу Кретьен скажет, что, когда ночью пролетали над Европой, ярче всех городов сверкал Париж.

А пока — бесконечные занятия и тренировки в Звездном городке, где живут звездные люди. На груди их скафандров — звездный человек, устремленный вперед на фоне созвездия Волосы Вероники, как Маленький принц, бегущий от планеты к планете за ответами на свои, может быть, наивные, но такие важные для него вопросы.

Перевел с французского М. ШИШКИН

К пятой годовщине национально-демократической революции в Афганистане

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПРАВДЕ

М. БЕРГЕР,
наш спец. корр.
Фото автора и из альбома «Афганистан сегодня»

Мы познакомились в Усть-Илимске в городке зонального интернационального студенческого строительного отряда «Дружба». Рабочий день кончился, а от светового оставалось еще немного времени. Ребята из линейного отряда «Беларусь» Белорусского государственного университета только приехали с объекта. Кто-то уже успел переодеться и умыться. Халек, а полностью его имя Абдул Халек Бекор, сидел в курилке и не курил. Здесь и состоялся наш разговор. Его рассказ я постарался передать почти дословно.

Я родился двадцать четыре года назад в провинции Конар, недалеко от границы с Пакистаном. Вся наша семья, кроме меня, еще три брата и две сестры, жила в комнате, которую мы снимали в чужом доме. Когда заболела бабушка, у нас не было денег на лечение. Она умерла. Тогда мать решила, что хотя бы старший сын Халек должен учиться, может, ему удастся выбиться в люди. Так я стал ходить в школу.

После уроков я ловил рыбу и продавал ее или ходил в горы за дровами и продавал их. Спрос на рыбу и на дрова был всегда. В жаркие дни я торговал снегом, который приносил с ледников. Это была самая трудная работа. Около двенадцати ночи я брал большую плетеную корзину и пять часов поднимался в горы, чтобы к девяти утра, пока еще солнце не поднялось высоко и не растопило мой груз, вернуться домой. Я всегда старался нести больше, килограммов по сорок.

Я продавал также воду из горных родников. Из-за своего маленького роста небольшую бочку с водой я носил на голове, как это делают женщины. Одноклассники смеялись надо мной, что работаю, как женщина. Я не знал еще, что никакая работа не постыдна.

Мои деньги нужны были для того, чтобы кормить всю семью. Я ведь был старшим сыном. Отец тоже работал, но его деньги уходили на то, чтобы кормить моего деда и дядю, которые сидели в тюрьме. В тюрьмах заключенных не кормили. Это была забота родственников. Мои дед и дядя провели в тюрьме семь лет. Они убили человека, врага нашей семьи, по закону кровной мести.

Мой отец был против того, чтобы я учился в школе. Он говорил, что я должен учиться убивать человека легко, как курицу, потому что противники нашей семьи сильны и могут убить нас. Мой отец не виноват, что так говорил. Кровная вражда была у нас всегда, и сыну покупали ружье, как только он мог удержать его в руках.

Школу я не бросил. До седьмого класса я учился только на «отлично». Потом, когда из-за работы совсем не стало оставаться времени на домашние занятия, я учился на «хорошо» и «отлично».

Я брался за любую работу: строил подвалы и туалеты, работал в поле.

Заболела моя мать. Я не нашел такой тяжелой работы, чтобы денег хватило на лечение. На каникулы я поехал в Пакистан и нанялся на три месяца грузчиком. Мы грузили мешки с рисом. Каждый мешок весил девяносто килограммов — в полтора раза больше, чем я. Мне как иностранцу, работавшему нелегально, платили меньше всех. У нас в провинции в то время строилась электростанция и там было много хорошей работы, но попасть туда можно было только по знакомству или за взятку.

В Пакистане я заработал деньги на лечение матери.

Когда я учился в седьмом классе, учитель физики на одном из уроков стал рассказывать о жизни афганского народа, о крестьянах и рабочих, о бедняках и нищих, об их несчастьях и страданиях. Я слушал, и мне казалось, что это все обо мне, что учитель знает именно мою жизнь, мою судьбу и говорит о ней. Учитель был членом полулегальной Народно-демократической партии Афганистана. И хотя членам этой партии было запрещено заниматься административной деятельностью и преподаванием, он считался у начальства проверенным человеком. Сам он отлично знал свой предмет и никого не боялся. Его разговоры в классе очень сильно повлияли на меня.

Однажды я пришел домой, есть было нечего и я стал грызть трехдневную кукурузную лепешку. Подошел мой четырехлетний брат и сказал, что тоже хочет есть. Я дал ему эту лепешку. Он долго пытался откусить хотя бы маленький кусочек, но у него ничего не получалось. Он плакал от голода и обиды. Он вернул мне лепешку, так и не откусив, и я увидел на ней следы крови. Я размочил лепешку в воде и отдал ее брату. Я плакал и вспоминал рассказ учителя. В тот день я твердо решил, что стану членом Народно-демократической партии Афганистана. Мне тогда исполнилось четырнадцать лет.

Я поехал домой к учителю физики и сказал, что хочу вступить в партию. Он ответил, что не знает, как мне в этом помочь. «Но зачем же вы тогда все это нам рассказывали?» — спросил я. «Разве я обманывал вас?» — сказал он. Но я не уходил. Я не верил, что он ничего не знает о Народно-демократической партии. Я был настойчив, и в конце концов он пообещал познакомить меня с одним человеком, который, как ему кажется, состоит в этой партии. Как я потом узнал, он был секретарем партийной организации нашего города.

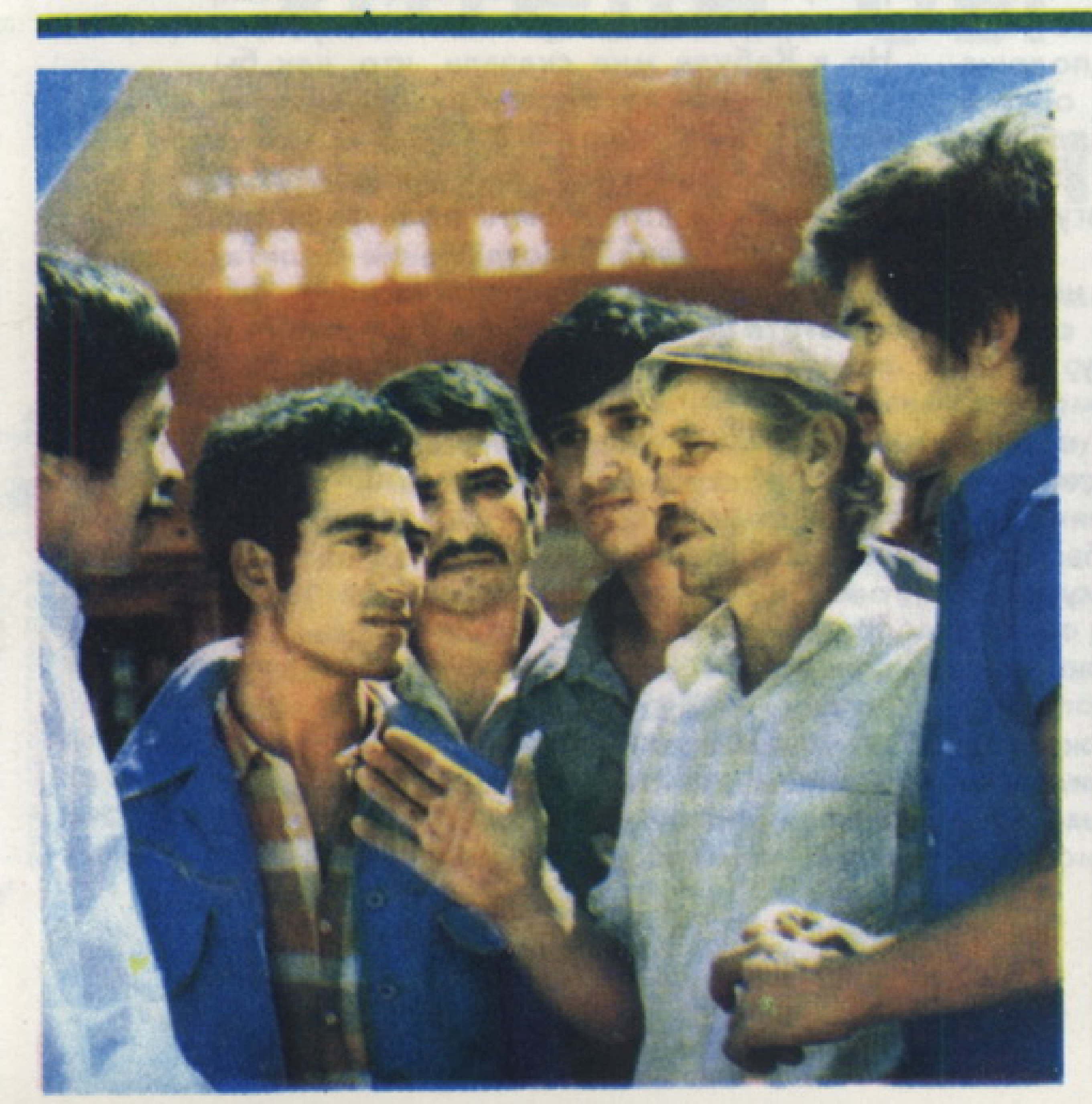
Меня познакомили с учеником двенадцатого класса, который руководил подпольной партийной организацией в нашей школе. В нее входили ученики от восьмого до двенадцатого класса. Я и еще три моих товарища подали заявления. Раз в неделю мы стали ходить на собрания. На собраниях нам рассказывали о жизни и положении простого народа, отвечали на наши вопросы о существующих в стране порядках. Вскоре нас приняли кандидатами в члены партии.

Мне стали давать партийные поручения. Я посещал наши организации в селах за двадцать пять—тридцать километров. Туда я нес литературу, назад — партийные взносы. Я всегда передвигался только пешком — так было меньше вероятности попасть в руки полиции. Я был вне подозрений, и товарищи берегли меня.

На собраниях наш секретарь много рассказывал о революции в России, о коммунистах. Мне он дал книгу В. И. Ленина «Что делать?» на нашем языке. Это было первое произведение Ленина, которое я прочитал. Я многое не понял. У меня возникли вопросы, и не на все из них мог ответить даже наш парторг. Но мы не могли связаться с другими парторганизациями — конспирация. По тем же причинам и к нам не могли прийти люди, хорошо знающие теоретические вопросы.

Наступил тяжелый год для нашей школьной партийной организации. Директор школы узнал об учителях — членах партии, и их разослали в глухие горные деревни провинции и поставили преподавать в третьи-четвертые классы, чтобы они не могли заниматься агитацией. Но от этой ссылки была потом польза нашему делу. В больших городах уже были крепкие организации, было кому работать, а в глухих селениях еще слабо было партийное влияние, и сосланные учителя взялись там за работу.

А наша школьная организация сильно ослабла. Кроме учителей, выбыли многие старшеклассники. Кто попал в армию, кто нашел работу, кто отправился ее искать. Не осталось ни одно-

го партийного учителя. Школьники боялись вступать в наши ряды. Из семидесяти человек нас осталось только четверо.

Тогда секретарь городского комитета — это был один инженер — дал мне поручение создать в школе большую организацию. Через месяц у нас уже было двадцать четыре кандидата. За эту работу секретарь подарил мне книги — биографии Маркса, Энгельса, Ленина и книгу Нурмухамеда Тараки «Пролетарская партия».

Когда я учился в десятом классе, меня избрали секретарем нашей партийной организации. На каникулах в одиннадцатом классе я хотел снова ехать на заработки за границу, как и раньше. Тогда один из членов городского комитета партии сказал мне: «Мы не должны уходить от трудностей. Надо работать и бороться, чтобы трудности ушли от нас. Ты нужен здесь». И я остался.

Городской комитет помог мне устроиться на работу на электростанции. Пятьсот членов партийной организации станции избрали меня своим секретарем, хотя я пришел только на время каникул, на три месяца.

Это была государственная станция, и работникам давали пшеницу, жир, чай, сахар. Это было частью заработка. Административные работники станции присваивали себе почти по двести граммов с каждого килограмма продуктов. Я открыто выступил перед рабочими и рассказал им, как их обманывают. Не буду говорить, что я ничего не боялся,— боялся, но люди должны были знать правду. Когда рабочие услышали об обмане, а дома взвесили продукты и убедились, что все так и есть,— началась забастовка. Кто-то и раньше обнаруживал недовес, но думал, что это случайность и что так поступили только с ним одним, и мало кто рассказывал о таком друг другу. Но когда стало ясно, что обирают каждого рабочего, все объединились для борьбы.

Забастовка заставила начальника станции вступить с нами в переговоры. Своим представителем рабочие выбрали меня. Виновных в кражах наказывать никто не собирался, но начальник сказал, что теперь при развешивании и выдаче продуктов будут присутствовать два контролера от рабочих и от администрации. Контролеры были назначены, но очень скоро человек от администрации украл целый мешок пшеницы и две бочки жира. Я сам поймал его и даже не удержался — ударил. Рабочие хотели его растерзать, но я помешал этому. Но все же я сказал: «Вы ходите на работу за двадцать километров, вы без отдыха работаете, а едят другие».

После этих событий заметно вырос наш авторитет, в нашу организацию пришло много новых людей. Администрация уволила троих наших товарищей за активную политическую деятельность. Меня начальник станции не тронул. Он боялся, что из-за моего увольнения может начаться новая забастовка. Так я доработал все три месяца каникул и вернулся в школу. Позже многие мои товарищи по партийной организации электростанции погибли. Они первыми поехали на фронт революции 1978—1979 годов.

Когда директор школы узнал о моей партийной работе, он вызвал меня к себе и стал бить. Он требовал, чтобы я открыто сознался, что состою в Народно-демократической партии, и назвал других членов организации и наше руководство. Потом он сказал мне, что все может оставаться по-прежнему, и это не отразится на моей учебе, и я буду получать только отличные оценки, смогу устроиться на отличное место, но только при условии, что буду все рассказывать ему о нашей партийной работе. Я сказал ему: «Нет», и он снова стал бить меня палкой.

За мной и моими товарищами, даже за теми, кто не состоял в наших рядах, стали следить, но выгнать меня директор побоялся. Он знал, каким большим влиянием пользуется наша городская партийная организация, самая крупная в провинции.

Я учился в двенадцатом классе, когда победила Апрельская революция. А уже в конце мая я узнал, что такое контрреволюция.

Организация «Братья мусульмане» подняла мятеж в одной из пограничных деревень нашей провинции. Меня и еще шесть наших партийных товарищей направили в отряд из шестисот солдат. Мы хорошо знали местность и должны были помогать нашим частям в подавлении мятежа в пункте Шигаль. Я и шесть моих товарищей не имели военного опыта, мы впервые участвовали в военных действиях. Мне стало страшно. Я боялся даже нашего вертолета, но я шел вперед вместе со всеми. В этом бою впервые на моих глазах товарищ погиб за революцию. Я не знал его раньше и узнал только после смерти. Он был офицером и шел впереди солдат. Мятежники открыли огонь, первая пуля попала ему в ногу. Наш наблюдатель предупредил его по рации, что на высоте враг хорошо укрепился, у него более выгодное положение и продвигаться дальше опасно. Тогда офицер ответил, что для нас нет отступления. Это первые дни революции, и надо показать врагу нашу силу, а не нашу слабость.

Он продвигался все дальше, несмотря на рану, и вел за собой солдат. Вторая пуля ранила его в руку, но он все шел вперед. Третья пуля попала ему в голову. Только смерть остановила его. Этот человек был секретарем военной партийной организации нашей провинции. У военных была отдельная организация, и поэтому я его не знал. Тогда я заплакал над ним, и многие военные товарищи тоже плакали.

Нам удалось оттеснить мятежников, и они ушли за границу с большими потерями. Через несколько дней мы вернулись в наш город.

После этого меня направили на границу с Пакистаном, чтобы я выяснил, каким путем доставляется оружие мятежникам, сколько людей у врагов, кто и как их обучает. Я никому не должен был говорить, куда и зачем я еду. Я только сообщил отцу, что уезжаю по делам и, если не вернусь, пусть он не плачет. Матери я просил передать, что уезжаю в Кабул. Я спрашивал у людей и замечал все, но ничего не писал. Записи могли попасть врагу, и тогда я бы не выполнил задание, а моя память принадлежит только мне.

Я возвращался пешком через горы. Было тяжело, и жарко, и опасно, но я не чувствовал усталости. Я выполнил задание. Сведения о том, как пакистанские офицеры обучали мятежников, давали им оружие и деньги, я передал в городской комитет партии и губернатору провинции.

Мы создали отряд добровольцев из тридцати пяти товарищей. Мы добыли много трофейного оружия и военного снаряжения. Я участвовал в каждом бою, который происходил на территории нашей провинции. По счастью, ни разу не был ранен, только однажды пуля оцарапала руку. Когда мы участвовали в подавлении одного из самых крупных мятежей в нашей провинции в районе населенного пункта Пашед, среди убитых врагов — они тогда потеряли очень много людей — мы обнаружили кадрового пакистанского офицера, двадцать три года прослужившего в пограничных войсках. Это был очень крупный мятеж и сильный бой.

...Я приехал в Кабул после очень трудного боя. И тут я услышал от одного товарища, что меня хотят направить на учебу в Советский Союз. Я не верил этому, и подумал, что если даже это так, то меня все равно не отпустят: очень сложно было у нас, и очень много партийной и военной работы. И правда, когда я вернулся, секретарь партийной организации сказал, что вряд ли смогут меня отпустить. Но в Кабуле мне сказали, что, как бы трудно ни было, партии нужны специалисты. Так я попал в Советский Союз.

Мне предложили стать металлургом, но я всегда хотел быть политработником и поступил на отделение политической экономии исторического факультета Белорусского государственного университета и окончил уже два курса.

Я столько читал и слышал о первой в мире стране социализма и теперь познакомился с ней сам. Я счастлив, что не только вижу социализм на практике, но и строю его. Второй год я приезжаю в Усть-Илимск бойцом студенческого строительного отряда на стройку СЭВ — Усть-Илимский лесопромышленный комплекс. Я строю социализм вместе с моими друзьями из социалистических стран. Я хочу хорошо знать, как это делается.

Каждые полгода президент США информирует конгресс о степени «прогресса в области соблюдения прав человека» в Сальвадоре. В прошлом году конгрессмены посчитали эту степень удовлетворительной, и сальвадорский режим получил очередную порцию «помощи» — 320 миллионов долларов. В результате сальвадорский президент Маганья обзавелся новым пуленепробиваемым лимузином и закупил новую партию военных вертолетов и другого необходимого для «соблюдения прав человека» оружия.

Американский журналист Т. Оллмэн в том же, прошлом, году побывал в Сальвадоре. Он увидел страну, где на улицах городов и поселков каждое утро находят изуродованные трупы, где убийство стало будничным делом, где 38 тысяч человек погибли в последние три года, в большинстве — мирные жители. Никто не может сказать, живы ли еще сегодня те крестьяне, с которыми встречался Оллмэн, жив ли еще этот паренек, которого вы видите на снимке, сделанном итальянским журналистом и опубликованном в журнале «Эпока» в прошлом году.

В январе нынешнего, 1983 года президент США в очередной раз сообщил конгрессменам о степени «прогресса в области соблюдения прав человека» в Сальвадоре и о необходимости новой порции «помощи», на этот раз в 61,3 миллиона долларов. А это значит, США оплатят расходы на новые карательные операции против патриотов, новые убийства женщин, детей, подростков... Вот почему крестьяне, рабочие, студенты вступают в ряды бойцов Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти и защищают свое право на жизнь, требуют подлинно национального, демократического правительства.

«Вот почему мы хотели бы быть партизанами»

Т. ОЛЛМЭН,
американский журналист

Крестьяне, живущие вблизи Агилареса, пыльного, пораженного непреходящим ужасом маленького городка в часе езды от Сан-Сальвадора, невесело шутят: «Если сам Христос приземлится в новом международном аэропорту Сальвадора, он не успеет добраться до Агилареса, потому что его немедленно арестуют».

Говоря это, изможденные, измученные страхом люди проявляют, как мне кажется, удивительную снисходительность к своему правительству и оптимизм, для которого просто нет основания. Ибо сегодня в Сальвадоре любую участь, кроме смерти, следует воспринимать как чудо: выйти на волю после ареста или тюремного заключения — это все равно что пройти будто посуху по водам озера Йопанго. Гораздо более вероятно другое: если кто-то сделает запрос по поводу исчезновения Мессии, сальвадорские власти сообщат, что приезжий по имени Христос Иисус в соответствии с имеющимися сведениями таможенного досмотра не проходил. Исчезнувшее лицо, пояснят они далее, без сомнения, использовало фальшивый паспорт, чтобы нелегально пробраться в страну вместе со всеми прочими коммунистами и сандинистами с целью дестабилизировать прогресс в Сальвадоре и тем самым подвергнуть серьезной опасности стратегические интересы Соединенных Штатов в Центральной Америке и, разумеется, оказать разрушительное воздействие на весь свободный западный мир.

Международный Красный Крест прекратит дознание по этому поводу, а государственный департамент США выразит свое удовлетворение разъяснением властей. И только много времени спустя где-нибудь возле сверхсовременной автострады, ведущей к аэропорту, или на стоянке автомобилей в столице будет обнаружен труп: язык вырезан, глаза выколоты, руки, ноги отрублены. К телу прикреплена дощечка с надписью, как на тысячах других трупов: «Такая участь постигнет всех коммунистов-бунтовщиков. Смерть Кубе. Смерть России. Смерть всем врагам свободы».

Я поехал в Агиларес в надежде встретиться с кем-то из партизан. Это был

мой последний шанс соприкоснуться вплотную с той важнейшей борьбой, сообщения о которой почти каждый день помещаются на первых страницах газет в Соединенных Штатах (на следующий день я должен был лететь домой). Мне хотелось понять, в самом ли деле США стоят перед единственным выбором (как сформулировала его передовица одной из американских газет): собрать всю волю, чтобы «противостоять расширяющейся интервенции Кубы» или смириться с «трагическими последствиями того, что Центральная Америка станет полностью марксистской».

В Агиларесе, как и в столице, как и по всему Сальвадору, я увидел несчастных, запуганных насмерть людей: измученных босых женщин, у которых нет ни пищи, ни лекарств для больных от голода детей; неграмотных мужчин и подростков, у которых нет ни земли, ни работы и которые вынуждены постоянно спасаться бегством от так называемых «сил безопасности» своего собственного правительства; изувеченные мертвые тела вдоль дорог. В центре городка расположен пост национальной гвардии, и люди стараются незаметно проскользнуть мимо него с опущенными глазами, опасаясь случайным жестом привлечь к себе внимание и обречь себя на погибель. В пропыленном сквере несколько безразличных ко всему мужчин, рядом попрошайничают дети. На главной улице возле местного мотеля «мерседес», принадлежащий кому-то из здешней знати. У входа в церковь шпик сквозь черные солнцезащитные очки вглядывается в прихожан, тщательно запоминая тех, кто оказался столь безрассуден, что скомпрометировал себя в глазах правящего режима посещением мессы. На окраине города стоит маленький деревянный крест, отмечающий место, где был убит священник, пытавшийся как-то помочь безземельным сельскохозяйственным рабочим Агиларeса.

Мы оставили машину в сумрачных бамбуковых зарослях и стали прокладывать себе дорогу по ничейной земле, сквозь поваленные деревья и дренажные трубы, лежащие на грязной дороге, сквозь подобие забора, сделанного из заостренных веток, воткнутых в землю. Все, что крестьяне могли найти в своих хижинах, в поле или в лесу, они собрали и попытались возвести нечто вроде баррикад между собой и военными машинами. Солдаты налетают на них, будто саранча на посевы или тайфун с Тихого океана, чтобы исковеркать их жизни. И происходит это неожиданно и непредвиденно и по причинам, которых они не могут понять.

Вскоре я почувствовал, что мы не одни в лесу. Шелест листьев превратился в шуршание, как бы отдельное от деревьев, затем из шороха возникло несколько теней, тени сгустились в молчаливые силуэты. Они были впереди, сзади нас и по бокам. У партизан, как их называют в официальных коммюнике, было несколько кремневых ружей, но главным их оружием были мачете, и сами они казались такими же тонкими, как мачете. Один паренек попытался соорудить себе некое подобие военной формы из пары заношенных брюк цвета хаки и рубахи-сафари. На голове берет, на шее — шнурок с распятием. Как и большинство остальных, он был босой.

Тропинка вывела на прогалину. Много лет назад, когда американцы заявляли, что Сальвадор должен участвовать в «Союзе ради прогресса», здесь построили однокомнатный дом и назвали его школой. Но уже многие годы правительство не присылает сюда ни книг, ни учителей. Все, что осталось, это несколько поломанных школьных скамеек и заржавевший щит, провозглашающий приверженность ныне забытого диктатора идеалам свободы для народа Сальвадора. Мы присели на одну из скамеек в ожидании. Мы знали, что, когда сальвадорская армия предпринимает свои карательные экспедиции, целые деревни исчезают, растворяются в лесах. Теперь же, наоборот, из леса возникла деревня, все жители — старики, старухи, ведущие за руку малышей, матери с младенцами на руках, мужчины с мачете — окружили нас. Человек пять на лошадях. Остальные пешие, большинство босые.

— Что это такое — партизан? — поинтересовался один из крестьян.

Когда ему объяснили, он сказал:
— Я хотел бы стать партизаном и иметь ботинки, форму и ружье. Тогда я мог бы отстреливаться, когда приходят солдаты. Тогда бы я мог не прятаться в лесу.

Другой сказал, что слышал, что там, за горами, где кончается Сальвадор и начинается Гондурас, за морем, которое после Гондураса, есть страна, она могла бы дать обувь и одежду и, может быть, ружья. Она называется Куба. Но как туда добраться? Ведь даже если пойдешь в Агиларес послушать мессу, гвардейцы схватят и будут пытать, а потом убьют. А как же дойти до Кубы?

Видимо, наше появление, наши ботинки с кожаными подметками, наша чистая новая одежда, наши фотоаппараты и магнитофоны — все это показалось крестьянам чудом.

— Пожалуйста, сэр, не могли бы вы сказать нам, как мы можем связаться с этими кубинцами и сообщить им, что нам необходимо? Как вы думаете, они помогут нам?

Эта лесная поляна не была каким-то исключением, хотя заголовок в газете мог бы звучать очень экзотично — «На границе с партизанской территорией, где-то в Сальвадоре». Эта деревня была еще одной типичной частицей страны, такой же, как университет с его убитым ректором, собор с его убитым архиепископом, как все городки, школы и больницы повсюду в Сальвадоре с убитыми учителями и врачами. Разграбленные и разоренные крестьянские лачуги, хлеба, сожженные еще до того, как они могли бы уродиться или скорее всего не уродиться. Около меня стоял мальчик с такими белыми волосами, что я принял его сначала за потомка какого-нибудь конкистадора. Заглянув в его темные, окруженные морщинками глаза, я понял. Это детство без мяса, без овощей, без молока, детство, вскормленное сухими маисовыми лепешками. А вокруг нас простирался роскошный лес, огромные деревья с мощными раскидистыми ветвями, буйство вьющихся растений, кричаще-яркие краски под ослепительным утренним солнцем.

Человека, с которым я разговаривал, дважды подвергали пыткам, и лицо его искажал нервный тик. Глядя на него, я вдруг подумал, что единственно мирные места, которые я видел в Сальвадоре, — это кладбища. Мощные склепы состоятельных сальвадорцев так же хвастливо роскошны, как и похожие на крепости виллы сальвадорской знати, живущей в Сан-Сальвадоре. Деревянные кресты убитых бедняков так же скромны, как лачуги, где они обитали при жизни. Но, богатые или бедные, кладбища Сальвадора полны жизни. Надгробия покрыты ярко-розовой, темно-зеленой или нежно-голубой краской, и могилы даже самых нищих крестьян утопают в ярких тропических цветах. В этой стране, где смерть поджидает на автобусной остановке, сидит рядом в темном кинозале и каждую ночь стучится в двери домов, кладбища стали местом праздника жизни — местом, где дети наконец-то могут воссоединиться с родителями, где возлюбленные лежат рядом и им уже нечего больше страшиться.

— В последний раз они были на вертолете,— объясняла нам женщина,— и показывали солдатам, где мы прячемся. Они бросали с вертолета гранаты, сбросили несколько бомб, от них загорелось поле.

Только крайняя бедность отличает этих крестьян от жителей столицы, в остальном они похожи на всех сальвадорцев, которых я видел, даже и на тех, у кого есть автомобиль и университетский диплом. Иностранцы могут лишь отчасти понять их положение. Главное состоит в том, что все жители страны знают: быть сальвадорцем — значит еще при рождении вытянуть билет национальной лотереи смерти.

Одна женщина родила за четыре часа до нашествия на деревню солдат. Ей пришлось три дня прятаться под листьями в лесу, шел дождь, у нее не было никакой еды, младенец умер. Другая рассказала, как пытали, изувечили и лишь потом убили ее маленькую сестру.

Я спросил окруживших нас крестьян, кто из них считает себя революционером? Все обитатели деревни подняли руки.

— Быть революционером,— объяс-

нил один из мужчин,— значит, бороться против солдат, которые убивают ни в чем не повинных людей.

Потом я спросил, как они понимают социальную справедливость, что это такое для них. И другой сказал:

— Если бы у нас была социальная справедливость, нам бы платили за работу, которую мы делаем. Если бы нам приходилось ходить на работу в поле очень далеко, и это было бы слишком далеко, чтобы каждый день возвращаться домой, у нас было бы, где спать и какая-нибудь еда.

Молодая женщина с ребенком на руках сказала, что после революции больница в Агиларесе была бы открыта для всех, а не только для тех, кто служит в национальной гвардии.

— Например,— уточнила она,— если твой ребенок заболел, ты мог бы пойти к аптекарю, и аптекарь продал бы тебе лекарство, и солдаты не избили бы его за это.

— Вот почему мы хотели бы быть партизанами,— подвел итог человек с нервным тиком. Эти крестьяне, как многие и многие в Сальвадоре, были когда-то просто набожными католиками. Они организовали у себя в деревне нечто вроде общины бедняков, чтобы вместе молиться и с помощью христианских заповедей попытаться хоть както улучшить свою жизнь. Не прибегая к насилию, они хотели достичь заведомо недостижимого, чтобы им платили хоть немного за работу в поле.

Вначале били и пытали только руководителей общины. Потом всех подряд. Крестьян целыми семьями выгоняли из домов в ближний лес. Мужчин, которые в городе искали работу, соглашаясь на любые условия, убивали сразу и без предупреждения.

— Поначалу мы еще могли ходить в город за продуктами или лекарствами,— пояснил подросток в берете,— но потом они стали убивать любого по виду крестьянина, кто показывался на рынке. И тогда нам пришлось посылать на базар наших сестер или жен. Они начали убивать и женщин. Тогда мы решили посылать в город детей. На прошлой неделе они убили восьмилетнюю девочку. Ее брат был болен, и мать послала ее на базар. У нее было несколько монеток. Она надеялась купить для брата яйцо.

Я шел по тропинке к машине и вдруг впервые не просто понял, что есть в мире люди, не умеющие читать и писать, а осознал, что это значит — воспринимать мир так, как видит его неграмотный человек.

— Это очень хорошо, что журналисты приезжают в Сальвадор,— сказал нам один из людей с мачете,— но лучше, если бы вы не просто посещали нашу страну, а подолгу жили здесь.— Я согласился с ним, что журналисты, когда живут в стране, знают ее лучше и материалы у них часто получаются лучше. Но оказалось, крестьянин имел в виду совсем другое:

— Если бы вы жили в Сан-Сальвадоре,— пояснил он,— вы могли бы прятать добрых христиан в своем доме, и гвардейцы не нашли бы их. Вы могли бы привозить нам продукты, лекарства и оружие в своей машине.

Что значили для этого человека строчки, которые я пишу на листочках бумаги? Или мое убеждение, что моральный долг журналиста — оставаться «нейтральным». Они были для него такой же непредставимой абстракцией, как для меня работа за гроши на плантациях сахарного тростника по восемнадцать часов в день, или существование людей, загнанных в леса, постоянно преследуемых. Я сказал, что сожалею о том, что не привез с собой ни еды, ни медикаментов.

— Ничего,— ответил он,— главное — само ваше присутствие здесь доказывает, что мы не одиноки.

И снова фигуры людей превратились в тени, а тени растворились в шорохе леса прежде, чем наша машина тронулась в путь, трясясь по вымощенной гравием дороге, удаляясь все дальше и дальше...

Выбравшись на основное шоссе, мы поспешили обратно в столицу, в отель. Там, в полной безопасности и покое дожидаясь наступления ночи, я потягивал виски в баре и слушал, как по телевизору сальвадорские бизнесмены говорили о законности и порядке. Заказав себе бифштекс, я уселся перед бассейном и наблюдал, как пухленькие темноглазые детишки плещутся в воде, а за ними надзирают их старшие сестры. Они держались, как настоящие важные матроны, сплошь увешанные украшениями, наряженные в премиленькие платьица, купленные во время последней поездки на каникулы в Майами-Бич...

В номер я вернулся поздно. Там оказалась горничная. Я застал ее в тот момент, когда она брала что-то с моего стола. Я сказал ей, что, если это деньги, лежавшие там, я не стану наказывать ее. Но я хотел знать, что именно она сунула в карман юбки, я боялся, что это мои записи, которые могли скомпрометировать тех сальвадорцев, с кем я встречался. Когда я выхватил из кармана взятый горничной клочок бумаги, она разрыдалась. Я поднес к свету «приз», ради которого она решилась на воровство. Это была визитная карточка министра обороны и общественной безопасности...

— Зачем тебе эта карточка? — спросил я.

Она ответила на английском, который звучал лучше, чем мой испанский:

— Если меня схватят солдаты,— сказала женщина,— я покажу им ее, и они испугаются и оставят меня в покое.

— Возьми ее себе.— Мне было стыдно. Унижение и страх уже исчезли с лица горничной. Она выглядела как человек, который вдруг вновь поверил в возможность собственного спасения.

Все вопросы, связанные с действиями Соединенных Штатов в Центральной Америке, в сущности, сводятся к одному и тому же. Почему мы неизменно помогаем худшему сокрушать, уничтожать лучшее? Почему самые чудовищные репрессии всегда гораздо меньше пугают нас, чем самые робкие попытки людей добиться хотя бы минимальной независимости и достоинства в своей жизни? Ответ не так сложен, как пытаются представить его всякого рода «эксперты». Многолетний опыт политики США в Центральной Америке свидетельствует, что американские президенты, а также американские послы, генералы, руководители ЦРУ, конгрессмены и боссы крупных корпораций не могут допустить, чтобы государства и народы Центральной Америки были независимыми и процветающими и поступали так, как они сами считают нужным. Напротив, вся деятельность американцев в Центральной Америке — начиная с доктрины Монро[1] и мексикано-американской и испано-американской войн, продолжая операцией в Заливе Свиней, «Союзом ради прогресса» и кончая так называемой политикой «защиты прав человека» и действиями Рейгана — всегда сводилась и сводится к тому, чтобы принудить народы Центральной Америки жить так, как хотят США. А если они ослушаются, мы наказываем их: с помощью интервенций или переворотов, организованных ЦРУ, или экономической блокады. Ответить серьезно на вопросы, которые ставит перед нами Центральная Америка, значило бы не просто допустить какие-то реальные изменения в политике США. Это значило бы допустить возможность пересмотра самого значения государств Центральной Америки в мире. А для американцев всегда было гораздо спокойнее и удобнее воспринимать Центральную Америку как «лужайку перед Белым домом», по определению нынешнего президента, где идет «проверка американской решимости» не допустить «второго Вьетнама».

Последнее время я часто ловлю себя на том, что размышляю о географических названиях в Сальвадоре: один из городов называется «Либертад» — «Свобода». Самая восточная провинция называется «Ла Уньон» — «Единство», другая — «Ла Пас» — «Мир». Название столицы означает «Святой Спаситель». Как тут не вспомнить тех составителей географических карт, которые когда-то, во времена испанских завоеваний, шли по следам конкистадоров и, увидев грабеж, убийства, варварство и деградацию, рисовали на карте кружок и называли его именем мира, единства, свободы и любви.

Сокращенный перевод с английского
С. ФЕДОРИНОЙ

---

[1] *Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная президентом Дж. Монро в 1823 году. Под лозунгом «Америка для американцев» обосновывались захватнические устремления США.— Примеч. ред.*

С честолюбием, своим собственным и своего ближнего, следует обращаться осторожно, особенно когда оно идет вразрез с духовным началом, хотя теперь большинство людей превратило осмотрительность в ее уродливую противоположность. Это неизмеримо усложняет положение честолюбия в современном мире. Например, следует ли поощрять честолюбие в собственных детях и тем самым в самом себе? Должен ли человек относиться с осуждением или с восхищением к честолюбцам? Являются ли они скрытыми врагами или, напротив, своего рода спасителями, поддерживающими огонь в очаге человечества?

Что можно сказать — или уже сказано — наихудшего о честолюбии? Вот неполный, разумеется, перечень.

Начать с того, что честолюбие часто носит антиобщественный характер и действительно вышло теперь из моды, являясь принадлежностью эпохи, когда индивидуализм считался более ценным и полезным, чем в наши дни. Человек, наделенный сильным честолюбием, игнорирует коллектив; социально обособленный, он сам по себе и сам для себя. Индивидуализм и честолюбие тесно связаны. Честолюбивый индивидуум смотрит на мир как на поле битвы; соперничество — его главная страсть, мир может предложить ограниченное число наград, и он полон решимости заполучить свою. Более того, честолюбие — иезуитское качество. Оно может убедить тех, кто им одержим, что то, чего они хотят для себя, хорошо для всех, что удовлетворение их собственных желаний послужит общему благу. В глубине души истинные честолюбцы верят, что в этом мире одни пожирают других, и их отличие в том, что они стремятся пожирать, а не быть съеденными.

Кроме того, считают, хотя и не утверждают с уверенностью, что честолюбие непременно трагично по своим последствиям. Если честолюбцы в самых разных формах стремятся возвеличиться, такое стремление не проходит даром. Как писал Софокл в «Антигоне»:

«О Зевс! Твою ли сломит силу
Высокомерье человека?..
Не проходит безмятежно
человеческая жизнь».

Трагизм амбиции в том, что она часто ненасытна. Честолюбие, глубочайшее честолюбие в конце концов может не знать удовлетворения. Амбиция управляет человеком, поедает его, истязает. Так, по крайней мере, считают.

Утверждают также, что честолюбие, как это обычно бывает в жизни, чаще всего развращает тех, кто одержим им. Антиобщественное в своем побуждении, разъедающее по своему эмоциональному воздействию, честолюбие, спущенное с цепи, проникает вглубь и в конечном счете разлагает характер. Быть честолюбивым — значит быть, если не вне рамок морали, то чувствовать себя менее связанным этими рамками.

Обычно считается, что за честолюби-

Новая рубрика «РОВЕСНИКА»:

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Редакция ждет откликов читателей.

Достоинства честолюбия...

Несколько слов о богатстве, славе и власти

Джозеф ЭПШТЕЙН,
преподаватель Нортвестерпского университета (США)

ем — и вплотную к нему — стоят тщеславие, жадность, жажда власти. Амбиция, когда ей дают волю, определенно выявляет в людях самое худшее. Однако, самые большие жертвы честолюбия — это те, кто достигает своих целей. О великих фигурах честолюбия Гегель в своей «Философии истории» говорил: «Вся их жизнь — это труд и проблемы... Они рано умирают, подобно Александру Македонскому, их убивают, как Цезаря, отправляют на остров Св. Елены, как Наполеона». Теодор Драйзер говорил о «вирусе успеха», и вирус этот попадает в кровь вместе с честолюбием. Честолюбивый взгляд на жизнь одновременно угрожающий и бескомпромиссный. Он бескомпромиссен в своих потребностях и в собираемой дани. Если вы хотите жить другой жизнью, более духовной, благодушной и великодушной, очевидно, что честолюбию в ней делать нечего. По крайней мере так говорят.

Безусловно, люди в наши дни кажутся не менее заинтересованными в успехе и его атрибутах, чем раньше. Летние виллы, путешествия по Европе, машины марки БМВ — эти блага сегодня имеют не меньший спрос, чем десять или двадцать лет назад. Изменилось только то, что люди не могут откровенно признаться в своем стремлении к успеху, не могут обнаружить свои мечты так же легко и открыто, как раньше, без того, чтобы не прослыть стяжателем, выскочкой. Вместо этого нас приглашают на прекрасные фарисейские спектакли: радикально мыслящий адвокат, квартирующий в манхаттанских владениях за 250 тысяч долларов, критик американского собственничества, имеющий летнюю виллу в Саутгемптоне, издатель радикальной литературы, обедающий в фешенебельных ресторанах, журналист, защищающий демократию, в то время, как его собственные дети зачислены в элитарные частные школы. Эти «стеснительные» люди выработали для себя такую формулу: «Добивайтесь успеха любыми средствами, но старайтесь не выглядеть честолюбивыми».

И все же многие из тех, кто придерживается этой формулы, чувствуют ее двойственность. Они стремятся преуспевать, жаждут того, что приносит успех, но не хотят казаться даже самим себе честолюбивыми. Запрет раздражает: они чувствуют себя раздвоенными. Они боятся обвинений, даже самообвинений. Они не любят считать себя честолюбивыми. Однако заметьте, это почти никогда не толкает их к тому, чтобы отказаться от хорошей жизни.

Угрожающая алчность, душевная грубость, беспрепятственная коррупция всегда имелись в мире в избытке, однако их нельзя считать исключительным порождением честолюбия. Честолюбие вызывает отвращение, когда оно находится в слишком большой диспропорции со способностями; либо когда оно необузданно, неосторожно в утверждении своих претензий. Амбиция выглядит плачевно, когда она несоразмерна с талантами человека: когда мужчина или женщина мучаются желанием управлять империей, не имея способностей для того, чтобы хозяйничать в приличной обувной лавке. Но если люди получают удовлетворение от заслуженного успеха, если они используют энергию, которую может дать честолюбие, и если, как писал Драйзер в «Сестре Керри», «ничего в жизни не вдохновляет так, как вид оправданного честолюбия, даже если оно находится в начальной стадии»,— тогда необходимо более ясное представление о том, что такое честолюбие и что оно влечет за собой.

Цена успеха

Что влечет за собой честолюбие? В своей книге «О счастье» французский философ Ален замечает: «Каждый имеет то, что он хочет». Ален оказался в интересной компании, поскольку Гёте в эпиграфе к своей автобиографии цитирует поговорку, которая гласит: «То, чего мы желаем, когда молоды, мы имеем в изобилии в старости». Ален чувствовал, что, если не считать случайных происшествий (к примеру, риска заболеть), каждый из нас сам определяет собственную судьбу. «Многие люди жалуются на то, что не имеют того или другого; однако причина в том, что они не хотят этого по-настоящему». Сила воли для Алена — наиважнейшее качество. «Полковник в отставке, живущий в уединении на ферме, хотел бы быть генералом; но если бы я мог проанализировать его жизнь, я бы нашел какие-то мелочи, которыми он пренебрег, не пожелал сделать. Я мог бы доказать ему, что он не хотел стать генералом».

Упоминая своего гипотетического полковника, Ален не имеет в виду некие тайные или психологические, скрытые мотивы, помешавшие полковнику повыситься в ранге. Он считает, что полковник, допуская, что способен подняться до генерала, не имел достаточно воли добиться этого. Возможно, причиной его неудачи послужило обдуманное и высоконравственное решение высказать свое мнение о политике, которую он не одобряет. Может быть, он допустил погрешности в личной жизни. Однако Ален считает, что в любом случае было нечто — тактического, морального или личного характера,— чего полковник не сделал, потому что не желал или не мог сделать.

По-видимому, то же происходит и с другими судьбами. Хотите стать великим поэтом? Если предположить, что у вас имеются способности, это решение может означать отказ от удовольствий семейной жизни. Желаете стать миллионером? Значит, придется прекратить думать о том, как тратить деньги, и полностью сосредоточиться на их добывании. Хотите жить в атмосфере неограниченной культуры и изысканности? Это может означать уход от реальной жизни, самоизоляцию от забот о несправедливостях этого мира. Мысль Алена: при условии, что мы готовы заплатить соответствующую цену, мы получим все, что желаем.

Ценой, разумеется, являются различные трудности. Почему бы великому поэту не иметь счастливую семью? Почему великий поэт, имеющий счастливую семью, благодаря признанию его удивительных талантов не может стать богатым человеком? Почему бы великому поэту и т. д. и т. п. не быть также выдающимся спортсменом и оперным баритоном? Слава, величие, богатство, любовь — кто не желает всего этого? Но, во-первых, таланты не раздаются направо и налево столь расточительно. Овладение одним видом умения часто делает маловероятным, если не вовсе невозможным, развитие других способностей: богатое воображение, способность к сопереживанию, составляющие силу художника или историка, могут погубить человека действия. Даже многосторонне одаренные люди часто чувствуют себя отягощенными противоборствующими силами: леность, неистовый характер, быстро приходящая усталость. Использовать имеющиеся способности, сконцентрировать всю силу на их развитии, не позволяя себе разбрасываться, и таким образом выбиться в люди — ни одна из этих задач не является легкой.

Что среди прочего затрудняет их решение, это то, что очень часто дело, которое люди выполняют наилучшим образом, менее всего их интересует. По этому поводу Аньель в своих дневниках XIX столетия писала: «Каждый стремится к тому, чего он страстно желает, и инстинктивно желает того, чего ему недостает. Это бессознательный протест против несовершенства каждой натуры». Тем не менее даже если человек хочет развивать свои таланты, возникают препятствия в виде его собственного темперамента, нравственных сомнений, недостаточной твердости или силы воли. Однако существует другая, действительно весьма трудная проблема, состоящая в том, что большинство людей на самом деле не знают, чего они хотят от жизни. «Я хочу,— говорила в недавнем романе одна домохозяйка с Лонг-Айленда,— умереть худощавой». Немногим из нас дана такая ясность жизненной цели.

Когда человек спрашивает себя, чего он хочет в жизни, он задается вопросом, который глубоко задевает его душу. Для того чтобы ответить искренне, точно и реально, требуется глубочайшее самопознание. Знание степени человеческого честолюбия не является теоретическим. Оно приходит только с опытом. Несколько кровоточащих язв могут дать знать человеку, что он зашел достаточно далеко и не следует рисковать дальше. Решение, которое трудно заставить себя принять, даже если оно благоприятствует карьере, также может подсказать человеку, что он дошел до крайней черты. Ход событий также быстро способен принять противоположное направление. Человек может обнаружить,

что у него больше нет сил поддерживать дело, в которое он действительно верил. Либо он узнает, что ничто не доставляет такого удовольствия, как мастерство в своей работе, либо он преуспевает вопреки самому себе, либо взбудоражен перспективой конкуренции. Честолюбие можно систематически поощрять или отказывать ему в поддержке, но только опытом оно проходит проверку и обнаруживает свою истинную силу.

Друзья Майкла Корды

Однажды Честертон заметил, что люди, пишущие книги об успехе, сами не могут преуспеть даже в написании книг, однако это не означает, что их произведения, как бы плохи они ни были, не приносят подчас весьма ощутимого дохода.

Возьмем для примера работу Майкла Корды, автора книг «Власть! Как достичь ее, как ею пользоваться» и «Успех! Каким образом каждый мужчина и женщина может его добиться».

Майкл Корда утверждает, что успех гораздо предпочтительнее поражения, что удовольствия, которые приносит удача, не предмет для насмешек, что стремление к успеху есть высшая игра — «Окончательное испытание судьбы», как он это называет. «Успех!» — книга-руководство, написанная для людей непреуспевших, которые, вероятно, так и не достигнут цели. Автор, судя по всему, искренне восхищается людьми, изображенными им; вот они выглядывают с верхних этажей небоскребов Манхаттана, их хорошо обутые ноги покоятся на столах из дорогого дерева; они раскатывают в мягкой темноте лимузинов (тогда как другие ждут под дождем автобуса) или вкушают пикантную пищу, от которой не толстеют, в самых дорогих ресторанах. Корда, по-видимому, совершенно ослеплен этим миром.

Но что это за мир, мир удачливых, в который приглашает Майкл Корда и своих читателей? Начать с того, что это мир жестокой неуверенности, в котором каждый полагает, что другой пытается его обмануть, и, вероятно, он прав. Главная цель — сбить с ног всех остальных. Самые большие враги те, кто с вами в одной компании. Работа сама по себе кажется второстепенной, даже третьестепенной по сравнению с умением управлять и одновременно остерегаться удара в спину. Самый большой глупец, как утверждает Корда, это тот, кто всего лишь прекрасно выполняет свою работу, не заботясь о том, как он выглядит.

В мире Корды внешний облик — это почти все. Автор на рисунках показывает, как надо сидеть на заседании, как должен пиджак облегать спину и плечи, как пользоваться очками и курить сигареты во время чтения торжественной речи. («Если вы не курите и не носите очки, мой вам совет купить очки и вставить в них простые стекла».) Телефоны, их виды, количество и цвет являются безгранично полезным оружием в борьбе за успех: «Чем большему числу людей вы можете позвонить и держать их на проводе, тем более удачливым вы сами будете казаться». Имеет значение даже количество пуговиц на рукавах костюма того, кто намеревается добиться успеха; по крайней мере три, возможно, четыре пуговицы. «В идеале пуговицы на рукавах должны быть настоящими, то есть чтобы их можно было застегивать и расстегивать». Удачливая женщина носит сумочку или портфель, но никогда то и другое вместе. Для мужчин короткие рукава — это конец. «Окупается также стройность фигуры».

Однако под заботой о наружности, которая занимает большую часть книги Майкла Корды, скрывается совершенно бесчеловечный мир. Любые ценности или убеждения, которые может иметь человек, являются слишком большой роскошью, первым, что выбрасывается за борт во время кризиса. Все окружающие вас люди, безусловно, двуличны; те, кто выше вас, стремятся подавлять вас, те, кто ниже,— подставить подножку. Даже жена или муж, завидуя вашему успеху либо страшась вашего взлета, могут стать врагом, действующим против вас. «Настоящей проверкой успеха является степень, в которой каждый может обладать независимостью от других». Демаркационная линия «между обычными людьми и удачливыми» должна быть проведена повсюду.

Несмотря на его собственное преклонение перед успехом, в изображении Майкла Корды он кажется кошмаром. Повсюду прячется обман. Никому нельзя доверять. Собственные ценности человека ничего не стоят; самые правдивые мнения лучше всего подавлять. А ведь Майкл Корда, напомним, страстный приверженец успеха и защитник честолюбия.

Так стоит ли быть честолюбивым?

Нападки на честолюбие многочисленны и ведутся с различных углов зрения; его защитников немного, и они не производят впечатления, хотя и не совсем лишены привлекательности. В результате поддержка честолюбия как здорового импульса, как качества, достойного восхищения и укоренения среди молодежи, в наши дни, вероятно, меньше, чем когда-либо. Это не означает, что честолюбию пришел конец, что люди не чувствуют больше его позывов и побуждений, а лишь то, что, не пользуясь больше всеобщим уважением, оно гораздо реже проповедуется в открытую. К числу последствий, вытекающих из этого, относится то, что честолюбие загнано в подполье, оно стало или лицемерным, или извращенным. Его также можно опошлить, как свидетельствует крикливое пустословие его современных покровителей. Вот значит, как обстоят дела: слева — сердитые критики, справа — тупые сторонники, и посредине, как водится, большинство честных людей, пытающихся продвинуться в жизни.

Многие люди, естественно, не доверяют честолюбию, чувствуя, что оно представляет собой нечто неподатливое в человеческой натуре. Джон Дин озаглавил свою книгу об участии в уотергейтском деле «Слепое честолюбие», как будто в его подлых поступках виновата амбиция, а не низкий характер. Честолюбие, это следует подчеркнуть еще раз, с точки зрения морали является улицей с двусторонним движением. И если посмотреть с другой стороны, жертвовать честолюбием для того, чтобы уберечься от его возможных крайностей, неправильно. Обескуражить честолюбие — значит лишить человека мечты о благородстве и величии.

Развенчание честолюбия в определенной — и довольно значительной — степени ответственно за чувство беспомощности. Хотя утверждение, будто честолюбие — это стержень общества, соединяющий воедино многие из его различных элементов, может показаться преувеличением, однако это не такое уж большое преувеличение. Удалите честолюбие — и существенные элементы общества, видимо, распадутся. Честолюбие как антипод бессильным фантазиям предполагает труд и дисциплину для достижения целей, личных или общественных, без которых общество не может выжить. Амбиция неразрывно связана с семьей, поскольку мужчина и женщина не только частично работают ради своих семей; мужья и жены зачастую бывают честолюбивы друг ради друга и приберегают некоторые из своих сокровенных амбиций для своих детей. Честолюбие и ощущение будущего — чувство созидания завтрашнего дня — нераздельны.

Нетрудно представить себе мир, лишенный честолюбия. Он был бы, вероятно, более добрым: без требований, ран, разочарований. Люди могли бы иметь время для размышлений. Труд, которым они были бы заняты, шел бы на благо коллектива, а не их самих. Не было бы места конкуренции. Заиграли бы флейты и гобои. Конфликты были бы устранены, напряженность осталась в прошлом. Наступил бы конец творческим стрессам. Искусство не было бы больше тревожащим, а имело исключительно праздничную функцию. Цвели бы цветы и произрастали овощи. Дети, необходимые для продолжения рода, стали бы воспитываться сообща. Повысилась бы продолжительность жизни, поскольку меньше людей умирало бы от сердечных приступов или ударов, вызываемых отчаянными усилиями. Волнения затихли бы. Время бы все больше растягивалось из-за того, что честолюбие давно покинуло бы человеческое сердце.

Ах, какой же беспросветно унылой стала бы жизнь!

Сокращенный перевод с английского
А. ГРАЧЕВОЙ

...и его опасности

Е. АМБАРЦУМОВ

Статью Дж. Эпштейна интересно читать. Она написана с литературным блеском, авторская эрудиция не отягощает ее, а, напротив, придает убедительность. И все же похвальное в конечном счете слово честолюбию, с которым выступает Эпштейн, не выдерживает серьезной критики, хотя честолюбие — в этом Эпштейн прав—достаточно распространенное человеческое качество, пусть обычно старательно скрываемое.

Широчайшие просторы для проявления этого качества открылись с утверждением капиталистического строя: ведь в предшествующих системах — будь то рабовладельческая или феодальная — возможности социального продвижения человека обычно жестко ограничивались его сословной принадлежностью. Верно, бывали случаи в рабовладельческом Риме или феодальном Китае, когда бывший раб или крестьянин становился даже императором, но такие случаи не меняли, а лишь подтверждали общее правило. Только капитализм провозгласил всеобщее равенство возможностей, увязав, однако, эти возможности с собственностью, с богатством. Известно, что при капитализме неизмеримо большее, чем прежде, число людей выдвинулось из низов, начав, что называется, с нуля. Выдвинулось — но какими средствами? Все крупные современные состояния нажиты нечестным путем — этот афоризм мы знаем еще из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова. Показательный пример подобного пути — карьера основателя династии Рокфеллеров, Джона-старшего, который был в юности торговцем вразнос и стал мультимиллионером. Присущие ему энергия и предприимчивость никогда не принесли бы такого результата, если бы не подкреплялись полной неразборчивостью в средствах: старик Рокфеллер никогда не упускал случая обмануть партнера, ограбить конкурента, уничтожить противника. Подобная карьера резюмирована возгласом такого же дельца, героя известного рассказа О'Генри: «Боливару не снести двоих».

Сказанное не значит, конечно, что в буржуазном мире существовали и существуют только такие беспринципные, не останавливающиеся ни перед чем честолюбцы. Но в бизнесе, который является основой этого мира, добивались успеха обычно именно такие. Успех любой ценой — главный моральный ориентир социального поведения в этом мире, что видно на примере наиболее развитой, типичнейшей страны капитализма — США.

Р. Уильямс, автор широко известной в США книги «Американское общество» (1970), считает, что американская массовая культура «характеризуется главным упором на достижение личного успеха». «Каждый человек должен... драться за то, что он получает,— такова философия этой культуры»,— как бы дополняет Уильямса другой известный американский исследователь, У. Уайт.

В стране бизнеса успех отождествляется прежде всего с деньгами. Не случайно неизменно распространенный комплимент в США: «Вы выглядите на миллион долларов» — меняется лишь цифра в зависимости от эпохи и котировки доллара. А известно, что деньги при капитализме завоевываются в жестокой конкурентной борьбе, беспощадной эксплуатацией одних людей другими. Проницательные критики «американского образа жизни», как, например, выдающийся социолог Райт Миллс, с горечью признавали, что «деньги являются единственным бесспорным мерилом преуспеяния в жизни, а преуспеяние до сих пор считается в Америке высшей ценностью». Прежде всего деньги дают при капитализме власть над людьми, и прочие формы власти рассматриваются лишь как модификации и орудия финансового могущества.

В такой социально-психологической системе важнейшим фактором успеха действительно оказывается честолюбие, не ограниченное никакими моральными табу. Кого предписывала американская массовая культура своей молодежи в качестве образца для подражания? Ученого? Путешественника? Или хотя бы христианского святого? Отнюдь нет. Таким образцом служили, да и сейчас служат, смелый, но безжалостный охотник или ковбой, уничтожающий массами индейцев и бизонов, отважные, но бесчеловечные золотоискатели, убивающие друг друга в погоне за драгоценным металлом, предприимчивый бизнесмен, обходящий менее удачливых конкурентов в законных, полузаконных и совсем незаконных операциях, наконец, сыщик или разведчик, не останавливающийся ни перед какими жестокостями.

Случайно ли, что крупнейшие в истории мыслители крайне отрицательно относились к честолюбию? Платон замечал, что там, где руководствуются честолюбием, теряются представления о добре и зле. Аристотель же считал тимократию — общество, основанное на честолюбии,— худшим видом правления. Монтень гордился тем, что не гнался за суетной славой, и напоминал: нужно быть доблестным ради себя самого, ради исполнения своего долга. Честолюбцев же он презирал до глубины души. «Когда жалкие, карликовые душонки пыжатся и лопаются от спеси и думают, что покрывают славой свое имя, то чем выше они надеются на этом основании задрать голову, тем больше выставляют напоказ свою задницу»,— без обиняков замечал он в своих знаменитых «Опытах».

Обратимся к классическому образцу победившего честолюбия — Наполеону, портрет которого герой романа Стендаля «Красное и черное»» Жюльен Сорель бережет как самое дорогое достояние. Но, во-первых, этот образ действовал магнетически на тогдашнюю французскую молодежь, потому что Наполеон воплощал не честолюбие в чистом виде, а смелость и энергию в борьбе с феодальной, сословной косностью. Во-вторых, при всем своем огромном честолюбии он отличался столь же большим интеллектом, железной волей, всесторонней одаренностью — от полководческого гения до литературного и математического таланта, почему не боялся способных людей, а, напротив, выдвигал их. В-третьих же, и это, пожалуй, главное, именно неумеренное честолюбие — желание подчинить себе мир, затмившее его ум, предопределило его конечное поражение.

В европейской культуре после поражения Наполеона честолюбие как социально-психологический ориентир оказалось скомпрометированным. А когда капитализм прошел свой пик и стал развиваться «по нисходящей», обнажив в отвратительной фигуре Гитлера зловещий характер мелочного честолюбия, дорвавшегося до власти, ореол вокруг этого качества оказался безвозвратно развеянным.

Правда, в американском общественном мнении вплоть до 60-х годов нашего времени все еще популярен был миф о чистильщике сапог, ставшем миллионером. Так почему же сегодня Эпштейн констатирует разочарование американцев в честолюбии?

Дело в том, что именно к середине 60-х годов живые силы американского общества, особенно учащаяся молодежь, изверились во внушаемых им с детства социально-психологических идеалах. Юношеская совестливость помогла им особенно остро ощутить, что пресловутая американская энергия сплошь и рядом вырождается в социальное ловкачество, в попрание слабых, когда целые слои богатейшего общества — негры и цветные, безработная молодежь, старики и инвалиды — отбрасываются на его обочину, ввергаются в бесправие и нищету. Ибо американский девиз «Дорогу сильному!» звучит как древнеримский клич на гладиаторских боях: «Горе побежденному!» Наиболее чуткая молодежь США увидала, что американское ощущение собственного превосходства — идеальное социально-психологическое обоснование империалистического насилия над другими народами, которое достигло своего апогея во вьетнамской войне. Эта война оказа-

лась толчком для массового и демонстративного разрыва этих молодых людей со всеми традиционными американскими ценностями, начиная с честолюбия. Они не только отказались от карьеры и связанного с ней благосостояния, но не побоялись вступить в борьбу с государством и его репрессивным аппаратом, мало того, бросили вызов еще более мощным силам — общественным традициям.

И хотя в 70-е годы молодежное моралистское движение потерпело поражение, не сумев выдвинуть реальную, «работающую» альтернативу традиционным американским ценностям, эти «ценности», в том числе и честолюбие, уже не смогли вернуть утраченных позиций. Косвенное свидетельство тому — изощренная попытка Эпштейна реабилитировать честолюбие.

Правда, в начале 80-х годов, когда президентом был избран Рональд Рейган, могло показаться, что в Вашингтон вернулись люди, нравы и цели 50-х годов. А поскольку в другой ведущей стране современного капитализма — Великобритании — к власти пришли консерваторы, столь же ярые, как и Рейган, апологеты общества «свободной конкуренции» и «личной инициативы», в буржуазном мире заговорили о «сдвиге вправо». Но «сдвиг» этот оказался кратковременным, даже иллюзорным, ибо сегодня апологеты откровенной буржуазности, буржуазного «права сильного» уже дискредитировали себя. Их политика привела не к оздоровлению общества, а к усугублению его хронических болезней — безработицы, инфляции, экономического застоя, опустошению естественной среды.

Вот почему американские исследователи общественного мнения констатируют, что, несмотря на политическое поправение общества, традиционная честолюбивая ориентация на личный успех все меньше привлекает рядовых американцев, разочаровывающихся в ней. А советский специалист по американской социальной психологии профессор Ю. Замошкин в своей книге «Личность в современной Америке» (1980), написанной на основе не только обширной американской литературы, но и непосредственного знакомства с жизнью в США, приходит к выводу: растущее число американцев «постепенно освобождается от своей привязанности к традициям буржуазного индивидуализма», от «ориентации на успех в частнопредпринимательском, бюрократически-карьеристском и узкопотребительском вариантах».

И Эпштейн, по существу, признает все это. Как опытный полемист, он строит свои рассуждения «от противного»: сначала разбирает все отрицательные ощущения от честолюбия в общественном сознании и даже критикует примитивных апологетов честолюбия, которые, признает он, только отвращают молодежь от буржуазных устоев. Но его собственные аргументы в защиту честолюбия, по существу, ничем не отличаются от примитивных и выливаются в передержки. Так, он утверждает, будто деятельное общество не может существовать без честолюбия, будто без него жизнь станет «беспросветно унылой». Но развитие человеческого сознания, все решительнее отвергающего этику и мораль буржуазного эгоизма, убедительно показывает, что у людей могут быть гораздо более высокие и привлекающие их цели, чем личная карьера, и что перестройка общества на основе этих целей только обновляет и оживляет его.

Убедительное доказательство тому — скачок, который совершила наша страна в результате социалистической революции, в результате того, что общество вместо буржуазных мотивов личной выгоды стало руководствоваться стремлением улучшить жизнь всех трудящихся.

В. И. Ленин, человек, возглавивший революцию и ставший во главе строительства нового общества, ценил прежде всего чувства «бескорыстные, не сводящиеся к заботам о своей шкуре». Современный наш Словарь по этике понимает честолюбие как желание «приобрести высокое общественное положение, вес, влияние, а также заслужить официальное признание и связанные с ними почести и награды». Этот мотив был абсолютно чужд В. И. Ленину, который с самого начала своей деятельности в революционном движении никогда не искал «официального признания», а, напротив, часто шел против течения, предпочитая остаться в меньшинстве, но не поступиться интересами революции. Именно поэтому он в конечном счете одержал победу. Он, как свидетельствовала его сестра Мария Ильинична, «прекрасно знал себе цену и понимал свое значение», но встал у руководства партией и страной не потому, что стремился к личной власти, а потому, что знал — это в интересах революции, Советской России. И это было органическим качеством В. И. Ленина, для которого личные интересы как бы растворялись в интересах революции, социализма. По словам старшей его сестры, Анны Ильиничны, обращала на себя внимание «простота и естественность Владимира Ильича, его большая скромность, полное отсутствие не то что кичливости, хвастовства, но какого-либо выдвигания своих заслуг, красования ими — и это с молодых лет, когда некоторое такое красование присуще обычно способному человеку».

Общаясь с людьми, по-настоящему выдающимися, нельзя не заметить их внутренней скромности, неброскости, которая иногда даже выглядит замкнутостью. Это не высокомерие, а свидетельство интенсивной внутренней жизни. Поглощенные какой-то высокой целью, такие люди отодвигают на второй план и внешние знаки отличия, и тем более деньги как символ успеха.

Присуще ли им честолюбие? Очевидно, да — но не как самоцель, не как «успех любой ценой», а как постижение чего-то нового, ранее неизвестного людям.

Естественно, и честолюбец может быть умеренным в личных потребностях, даже быть склонным к аскетизму, но стремиться при этом к власти над людьми, к их подавлению. Обществу не станет от этого лучше. Следовательно, чтобы честолюбие пошло людям на пользу, нужно, чтобы оно сочеталось с человечностью.

Карл Маркс очень точно ощутил опасность и неприемлемость обеих крайностей как неумеренности в запросах, стремления к роскоши, выражаясь его словами, «рафинированных, неестественных и надуманных вожделений», так и аскетизма, когда человек начинает экономить на своих непосредственных чувственных потребностях, а затем экономит уже «и на участии в общих интересах, на сострадании, доверии и т. д. ...».

Жизнь, конечно, развивается не по книгам, да и не по журнальным статьям. Известно, что и у нас встречаются циничные дельцы, прикрывающие устремления к собственной карьере или наживе высокими словами. Такие факты вызывают среди граждан социалистического общества законное осуждение и возмущение. Беда, если иной молодой человек, что также, к сожалению, бывает, соблазнится мнимой легкостью такого пути. Ведь в той или иной форме возмездие неизбежно наступает. При всех головокружительных взлетах подобные честолюбцы к своему концу обычно оказываются у разбитого корыта. Они больны самоопустошением, их обуревает глубоко запрятанный страх перед окружающими, внутреннее одиночество. Французский философ Гельвеций мудро замечал, что честолюбец никогда не бывает счастлив; ведь он постоянно поглощен усилиями достичь высокого положения, а затем и удержать его. Эти постоянные интриги и подозрительность в конечном счете отравляют человеку наслаждение жизнью. Да и общество не потерпит нарушения принципов, на которых оно основано.

Среди современной молодежи встречается, так сказать, пассивное честолюбие. Такие молодые люди не обладают нужным упорством для достижения поставленной цели. Инфантильность ослабляет их жизненные мускулы, и они добровольно обрекают себя на иждивенчество у собственных родителей и у общества, отказываясь от трудных, но многообещающих перспектив.

Более полувека назад комсомольский писатель Виктор Кин написал замечательный роман о молодых людях того времени — революционерах, участниках гражданской войны. Герой романа погибает, успев нанести последний удар по врагу. «И это было его последнее тщеславие». Так заканчивается роман. Вот суть высокого честолюбия — в полной самоотдаче, но не для себя, а для других. Приносить людям пользу — эта скромная и в то же время высокая цель в конечном счете выгоднее соблазнов честолюбия — и не только обществу, но и каждому.

рис. Е. ВИЛЮКОВОЙ

ВОЛШЕБНЫЙ МЕЛОК

Рассказ

Абэ КОБО,
японский писатель

На городской окраине, вечно мокнущей под дождем и пропахшей запахами кухни, жил в доходном доме, по соседству с уборной, бедный художник Аргон. Маленькая комната — три на три метра — казалась больше, потому что, кроме стоящего возле стены стула, в ней ничего не было. И стол, и книжные полки, и мольберт, и даже ящик с красками пошли на покупку хлеба. Теперь в комнате оставались лишь стул да сам художник Аргон. Но долго ли смогут здесь продержаться и эти двое?

Приближалось время ужина. «До чего же чувствительным стал мой нос»,— думал Аргон. В сложном смешении запахов он легко различал оттенки. О золотистая охра свинины, варящейся в мясной лавке возле железной дороги! Изумрудная зелень, донесенная ветром из фруктового магазина. Волнующий желтый крон, источаемый булочной. Грустная, небесно-голубая лазурь макрели, которую жарит внизу хозяйка.

Да-а. Аргон с самого утра еще ничего не ел.

Бледное лицо, лоб в морщинах, беспрестанно двигающийся кадык, сутулая спина, дрожащие колени. Аргон засунул руки в карманы и зевнул три раза подряд. В это время его пальцы нащупали что-то длинное и тонкое. Что бы это могло быть? Красный мелок. Интересно, как он попал в карман? Повертев его в пальцах, художник еще раз широко зевнул. Господи, до чего жрать хочется!

Сначала машинально, потом увлекшись, Аргон стал рисовать мелком на стене. Прежде всего яблоко. Здоровенное — одно такое съешь, и уже сыт. Рядом фруктовый нож, чтобы удобнее было есть. Затем, глотая слюну, булку, вдохновляемый запахами из окна и коридора. Булочку с вареньем, слойку с маслом, хлебный каравай величиной с человеческую голову. Глазам виделась поджаристая хрустящая корочка, покрытая аппетитными трещинками, ноздри щекотал дурманящий дрожжевой запах. Рядом с хлебом целый кирпич масла. Еще бы надо кофе нарисовать. Только что сваренный, от которого пар идет. На блюдечке три куска сахара, каждый со спичечный коробок.

Сознание постепенно обволакивал туман, в мозгу мелькали булочные джунгли, консервные горы, молочные моря, сады из сыра и говядины... Обессиленный художник задремал.

...Проснулся он от звука падения какого-то предмета и звона бьющейся посуды. Солнце уже зашло, в комнате было темно. Что такое? Посмотрев туда, откуда донесся шум, Аргон затаил дыхание. Разбитая чашка. Разлитая, еще дымящаяся жидкость не могла быть не чем иным, как только кофе. Рядом яблоко, хлеб, масло, куски сахара, ложка, нож и уцелевшее, к счастью, блюдце. А нарисованные мелом на стене картинки исчезли.

Не может быть... Кровь толчками побежала по жилам, и Аргон на цыпочках подошел ближе. Неправда, неправда, разве такое бывает? Да, но ведь все это происходит наяву. Кофе так пахнет, что задохнуться можно, какая же это неправда? Прикоснулся пальцем к хлебной корочке. Потом, решившись, лизнул языком сахар. Что, Аргон, все равно не веришь? Нет, это правда. Верю. Но страшно. Страшно верить.

Страшно, но факт. Ведь можно есть!

Наконец наевшись, Аргон вздохнул с облегчением. Но тут же вспомнил об источнике своей сытости и опять заволновался. Он взял красный мелок в руки и внимательно его рассмотрел. Смотри не смотри, понятней от этого не станет. Для того чтобы убедиться, надо попробовать еще раз. Если опять случится то же самое, значит, все происходящее — реальность. Он хотел изобразить что-нибудь новое, но в нетерпении снова нарисовал яблоко. Не успел он отнять от стены мелок, как яблоко упало на пол. Значит, правда. Если явление повторяется — оно происходит на самом деле.

Законы вселенной изменились. Изменилась судьба, несчастье ушло прочь. О эра сытого желудка, мир, в котором осуществляются все желания!..

Господи, я хочу спать.

Что ж, нарисуем кровать. Мелок дорог, как сама жизнь, но кровать — вещь совершенно необходимая при набитом животе, а мел истирается медленно, так что нечего скряжничать. Эх, впервые в жизни заснуть счастливым! Один глаз закрылся сразу, но второй никак не хотел смыкаться. Сказывалась тревога о завтрашнем дне: сегодня все было хорошо, а завтра? Но закрылся в конце концов и второй. Всю ночь обоими, столь разными, глазами видел художник разноцветные сны.

А утро, полное тревог, началось вот так.

Ему приснилось, что за ним гонятся и он падает с моста. Однако это не означало падения с кровати. Открыв глаза, он обнаружил, что никакой кровати вообще нет. В комнате по-прежнему стоял только один стул. А как же события минувшей ночи? Аргон, наклонившись, боязливо осмотрел стену.

На ней красным мелом была нарисована чашка (разбитая!), ложка, нож, очистки яблока и обертка из-под масла. Под всем этим была изображена кровать, с которой он будто бы упал.

На стену вернулось из нарисованного вчера только то, что не было съедено. Аргон почувствовал боль в плечах и пояснице. Именно такую боль он должен был бы испытывать, если бы на самом деле упал с кровати. Когда он дотронулся до нарисованной смятой простыни, его рука ощутила, что это место на стене явно теплее.

Художник потер пальцем нарисованный нож. Это был самый обычный мел, он сразу размазался, оставив грязный след. Попробуем-ка нарисовать еще од-

но яблоко. Однако нарисованное яблоко и не думало превращаться в настоящее и падать на пол. Когда Аргон потер по нему ладонью, от него и вовсе ничего не осталось.

Счастье оказалось сном одной ночи. Все кончилось, и жизнь была опять такой, как прежде. Так ли это? Нет, она стала в десять раз горше. И голод в десять раз сильнее. Наверное, съеденное вчера превратилось в желудке в крошки мела и штукатурки.

Аргон пошел к общему умывальнику и выпил целый литр воды, набирая ее в горсти. Потом вышел на унылую сумрачную улицу, еще окутанную рассветным туманом. Согнувшись над сточной канавой, берущей начало метров за сто, в ресторанной кухне, он пошарил руками в липкой, черной как деготь воде и что-то вытащил. Это была проволочная сетка. Промыв ее в ручье, он обнаружил, что в ней застряло что-то съедобное. Рис! Недавно старик, живущий по соседству, рассказал ему, что, если перегородить канаву проволочной сеткой, за день в ней набирается отбросов на один раз поесть. Сам старик примерно с месяц назад разбогател настолько, что мог теперь питаться жмыхом, и поэтому канаву у ресторана уступил Аргону.

Но какой дрянью показалась ему эта пища по сравнению со вчерашним пиршеством! Но зато она не волшебная, а самая настоящая, способная заполнить желудок, и пренебрегать ею нельзя.

Дрянь, вот это реальность.

Перед полуднем, выйдя в город, Аргон зашел к приятелю, служившему в банке. Тот, невесело усмехнувшись, спросил: «Что, сегодня моя очередь?» Аргон кивнул с застывшим лицом, лишенным всякого выражения. Он съел половину завтрака приятеля и, ссутулившись, вышел на улицу.

Полдня Аргон размышлял.

Откинувшись на спинку стула, сжимая в руке мелок, он мечтал о чуде, и вслед за страстным желанием появилась надежда. А потом предчувствие, что с заходом солнца волшебство повторится, переросло в уверенность.

Соседское радио сообщило, что время — пять часов пополудни. Аргон встал и нарисовал на стене хлеб, масло, банку сардин и чашку кофе. Под всем этим он не забыл изобразить стол, чтобы ничего не упало на пол, как прошлой ночью. И стал ждать.

Солнце зашло. У художника появилось ощущение, что с его зрением что-то происходит, так как рисунок на стене начал расплываться. Как будто между стеной и глазами повисла пелена тумана. Изображение становилось все бледнее, а туман все плотнее. Наконец он сгустился настолько, что, казалось, вот-вот превратится в твердый предмет, и тут (свершилось!) все нарисованное на стене вдруг появилось на самом деле.

Аппетитно дымился кофе, только что выпеченный хлеб был еще теплым. Ой, забыл консервный нож! Аргон стал рисовать его на стене, придерживая левой рукой, чтобы не упал, и нож прямо под мелком принимал вес и форму. Вот это настоящее творчество!

Вдруг он на что-то наткнулся. Вчерашняя кровать опять стояла на месте. На ней валялись рукоятка фруктового ножа (лезвие он стер пальцами), обертка от масла и осколки чашки.

Утолив голод, Аргон улегся на кровать. Так. Как быть дальше? Совершенно очевидно, что солнечные лучи уничтожают действие волшебства. Как только наступит день, снова вернется нужда. Нельзя ли что-нибудь придумать? Вдруг в голову ему пришла гениальная мысль. Надо занавесить чем-нибудь окно, отгородиться от дневного света.

Для осуществления этой идеи нужны кое-какие деньги. Чтобы защититься от солнца, необходимы настоящие вещи, которые не боятся солнечных лучей. Однако деньги нарисовать непросто. Что бы такое придумать? Толстый бумажник! Раскрыв его, Аргон увидел, что замысел удался. В бумажнике банкнотов было более чем достаточно.

Эти деньги исчезнут с наступлением дня, но они не оставят следов, поэтому беспокоиться не о чем. Все же на всякий случай он пошел за покупками подальше от дома. Два толстых одеяла, пять листов черной бархатной бумаги, коробка гвоздей, четыре деревянные планки. По дороге он купил в лавке букиниста попавшуюся ему на глаза кулинарную книгу. На оставшиеся деньги Аргон выпил кофе и нашел, что кофе с рисунка ничем не хуже. Это почему-то привело его в хорошее расположение духа. Напоследок он купил газету.

Прежде всего художник плотно забил дверь, завесив ее одеялом и двумя листами бархатной бумаги. Затем заделал окно, заколотив его по углам деревянными планками. От облегчения и нахлынувшего вдруг безразличия ко всему на свете мысли Аргона затуманились, он повалился на кровать и уснул.

Открыв глаза, он почувствовал внутри себя скрученную стальную пружину, готовую распрямиться в любой миг. Новый день, новая жизнь... Окруженное золотым сиянием завтра, потом послезавтра, потом еще много-много дней, и все они покорно ждут. Аргон улыбнулся счастливой, немного растерянной улыбкой. Мгновение ждет, пока он не создаст его своими собственными руками, ничем не скованный и свободный в своем выборе. О блистательная пора! Но откуда эта едва заметная грусть под сердцем? Наверное, такое же чувство испытывал бог за миг до сотворения мира. Губы расползлись в улыбке.

Аргон нарисовал большие настенные часы. Дрожащей рукой поставил стрелки на двенадцать часов. С этого момента начинается отсчет времени новой эпохи.

В комнате становилось душно, и Аргон нарисовал на стене, обращенной к коридору, окно. Но что это? Окно так и осталось рисунком. Немного поразмыслив, он сообразил, что недостает внешнего мира за окном, то есть оно нарисовано неполностью и поэтому не может стать настоящим. Ладно, нарисуем что-нибудь за окном. Какой бы вид изобразить? Альпийские горы, неаполитанское море, сельский ландшафт или, может быть, сибирскую тайгу? Перед глазами вставали красивые пейзажи, виденные на открытках и в путеводителях. Однако, когда знаешь, что необходимо остановить выбор на чем-нибудь одном, решиться очень трудно. Вот что, подумал он, нарисую-ка я себе бутылку виски, кусок сыра и буду обдумывать это дело не спеша.

Но чем больше он думал, тем труднее казалась ему задача. Как ни посмотри, дело это нешуточное. Оно важнее всего, что я рисовал до сих пор. Нет, оно важнее, чем любая картина, написанная когда-либо человеком. Мало изобразить просто приятный глазу пейзаж — море там, горы, ручейки или сады. Допустим, горы. Я ведь создам не только горы. А что будет за ними? Города, моря или пустыня? Какие там будут жить люди, какие водиться звери? Ведь я, сам того не зная, сотворю и их тоже. К этому нельзя отнестись просто как к побочному эффекту от создания окна. Ибо это целый процесс миросозидания. Моя рука определит судьбу вселенной, могу ли я положиться здесь на случайность? Нет, мир за окном — дело серьезное, я должен написать такую картину, какую не создавал еще ни один человек...

Аргон погрузился в раздумья.

Первую неделю он провел, с неудовольствием постигая всю необъятность задачи сотворения мира. Комната опять наполнилась холстами и запахом красок. Везде валялись десятки набросков и эскизов. Чем больше Аргон размышлял, тем невыполнимей казалась ему задача. Один раз, махнув на все рукой, он чуть было не решил отдаться на волю случая, но остановился, сообразив, что тогда сойдет на нет его роль творца. Кроме того, если в соответствии с его волей будет создана лишь малая часть вселенной, где гарантия, что стечение не зависящих от него обстоятельств вновь не вернет его к прошлой жизни, вновь не заставит голодать? Мелок ведь когда-нибудь сотрется. Нет, надо сотворить самому весь мир.

Следующая неделя прошла в обжорстве и пьянстве.

На третьей неделе Аргон впал в отчаяние, близкое к помешательству. Холсты опять покрылись пылью, запах краски выветрился.

Пошла четвертая неделя. Он наконец решился. Эта решимость была вызвана отчаянием, ибо ждать он больше не мог. Страшась создать своей рукой мир в окне, не в силах взять на себя эту ответственность, Аргон решил всецело положиться на волю случая: нарисовать в стене дверь и определить облик нового мира в зависимости от того, что он за ней обнаружит. Даже если из этой идеи ничего не выйдет и за дверью окажется все та же городская окраина, это лучше, чем ответственность за целую вселенную. Наплевать на все, только бы найти выход из этого тупика.

Впервые за все время Аргон надел пиджак — как-никак решается судьба

целого мира. Твердой рукой он взял чудесный мелок и нарисовал дверь... Перехватило дыхание. Еще бы! Для человека, наверное, самое большое потрясение — открыть дверь, за которой неведомое. Может быть, в качестве награды там ожидает смерть?

Он взялся за ручку. Отступив шаг назад, толкнул дверь.

Свет вспыхнул в глазах разрывом динамита... Робко приоткрыв веки, Аргон увидел необъятную равнину, сияющую в лучах полуденного солнца. Куда ни кинешь взгляд, ни одной тени до самого горизонта. В темно-синем небе ни одного облака. Сухой жаркий ветер носит пыль с места на место. Да это просто воплотившийся в жизнь рисунок линии горизонта, с которого начинается любая картина! М-да...

Мел ничего не решил. Все надо создавать сначала. Надо рисовать на этой равнине горы, воду, облака в небе, траву и деревья, зверей и птиц, рыбу в водоемах. Одним словом, надо делать весь мир заново. Упав духом, Аргон повалился на кровать. Слезы потоком хлынули из глаз.

Что-то зашелестело в кармане. А, это газета, купленная в первый вечер, он совсем про нее забыл. На первой полосе жирный заголовок: «Нарушение границы на 30 параллели!» На второй — еще крупнее фотография «мисс Японии». Ниже мелко — «Протест общественной организации района Н по трудоустройству» и «Массовые увольнения на заводе X».

Аргон внимательно рассматривал фотографию полуголой «мисс Японии». Он забыл о самом важном. К черту все остальные события. Надо все начать с Адама и Евы. Правильно. Еву, нарисовать Еву!

Через полчаса перед Аргоном стояла Ева. Удивленно осмотревшись, она спросила:

— Ой, вы кто? Что это со мной?

— Я — Адам. А вы — Ева,— покраснев, смущенно ответил Аргон.

— Вранье! Никакая я не Ева! Я — «мисс Япония»!

— Вы Ева. Правда, Ева.

— Как же, так я и поверила Адаму в брюках, живущему в этой паршивой комнатенке. Странно, как это я здесь очутилась? Я же должна сейчас выступать на открытии фотовыставки.

— Ну как мне вам втолковать! Вы действительно Ева.

— Ах, вы мне надоели. Хорошо. Где тут у вас плод познания? Вы хотите сказать, что это Эдемский сад? Не смешите меня.

— Выслушайте. Сядьте вот сюда. Я все вам объясню... Между прочим, хотите есть?

— Хочу.

— Что бы вы съели? Выберите в этой кулинарной книге любое блюдо.

— Вот это да! Правда? А вы, видать, человек небедный, хоть и живете в этой дыре. Я передумала. Может, вы и правда Адам. А кто вы? Гангстер?

— Нет. Я Адам. Адам, он же художник, он же творец вселенной.

— Не понимаю.

— Я тоже не понимаю. И поэтому я в отчаянии.

Тут Ева получила возможность пронаблюдать, как Аргон изготовляет блюда французской кухни, перерисовывая их из книги.

— Здорово! Просто изумительно! Это действительно Эдем. Я верю! А этим мелком можно сделать все, что угодно? Ой как интересно! Я согласна. Пусть я буду Ева. Мы станем миллионерами!

— Погоди, Ева. Послушай меня.

Аргон поведал ей историю мелка, а напоследок сказал:

— ...Поэтому я должен с твоей помощью построить новый мир. А деньги здесь ни при чем. Мы должны все начать с самого начала.

«Мисс Япония» тупо уставилась на него:

— Как это «деньги ни при чем»? Не понимаю. Как это?

— Ну хорошо. Если так, загляни вот в эту дверь.

Заглянув мельком в приоткрытую Аргоном дверь, Ева крикнула:

— Какая гадость! — Захлопнула ее и, злобно глядя на художника, показала на закрытую одеялом настоящую дверь:

— А вот эта... Она, наверное, не такая?

— Туда нельзя! Тот мир сразу все уничтожит. И еду, и стол, и кровать, и даже вас. Вы теперь Ева нового мира. Мы станем отцом и матерью нового человечества!

— Не хочу! Занудство все это. Я вообще за ограничение рождаемости. И потом, никто меня не уничтожит.

— Вы исчезнете, поверьте мне!

— Не исчезну! Я сама лучше знаю. Надо же, я исчезну. Скажет тоже!

— Ева, ты не понимаешь. Если мы не переделаем мир, нас в конце концов ждут нищета и голод.

— Ага, он ко мне уже на «ты» обращается! Но я не такая дура. Меня ждет голод? Вот уж вряд ли. Я дорого стóю!

— Ты стоишь столько же, сколько этот мелок. Если не переделать мир, ты тоже исчезнешь, как дым. Как будто тебя и не было.

— Ладно, хватит трепаться. Мне пора идти. Непонятно, как я вообще здесь оказалась. Что мне здесь делать? Все ты со своими штучками. Ну, живо. Мой менеджер, наверно, уже заждался. Я, так и быть, буду иногда приходить сюда. Только, если ты будешь рисовать мне то, что я попрошу.

— Дура! Такого быть не может!

Ева уставилась на Аргона, удивленная его неожиданной вспышкой. Некоторое время они смотрели друг на друга в молчании. Наконец, придумав что-то, Ева вкрадчиво сказала:

— Хорошо, я останусь здесь навсегда. Но за это ты выполнишь одно мое условие, ладно?

— Какое? Если ты правда останешься, я сделаю все, что ты хочешь.

— Тогда отдай мне половину мелка.

— Глупости! Ты же рисовать не умеешь. У тебя ничего не получится.

— Умею. Я раньше работала дизайнером. Отдай, я за полное равенство.

Сначала Аргон скептически покачал головой, но потом решился:

— Ладно.

Он осторожно разломил мелок и протянул половину Еве. Она сразу же отвернулась к стене и начала что-то рисовать.

Это был пистолет.

— Прекрати! Зачем он тебе?

— Смерть. Я создаю смерть. При сотворении мира прежде всего необходимо четко определить, кто есть кто.

— Нельзя! Тогда ничего не выйдет! Остановись! Нам это совершенно ни к чему!

Однако было уже поздно. В руке Евы посверкивал маленький карманный пистолет. Она подняла его и прицелилась Аргону в грудь.

— Руки вверх! Тронешься с места — буду стрелять. Эх, глупый Адам, разве ты не знаешь, что обещаниям верить нельзя? Ты сам принудил меня к обману.

— Ты еще что-то рисуешь?!

— Кувалду. Чтобы выломать дверь.

— Нельзя!

— Только шевельнись — выстрелю.

Аргон прыгнул, и в тот же миг раздался выстрел. Художник схватился за грудь, его колени подогнулись, и он упал на пол. Как это ни странно, не вытекло ни одной капли крови.

— Глупый Адам,— засмеялась Ева. Размахивая кувалдой, она стала бить в дверь.

Внезапно в комнату хлынул дневной свет. Он был не так уж ярок, но это был настоящий свет, исходящий от солнца. Фигура Евы окуталась туманом и исчезла. Пропали и стол, и кровать, и произведения французской кухни. Все в комнате, кроме художника, кулинарной книги и стула, вновь превратилось в рисунки на стене.

Аргон медленно поднялся с пола. Рана в груди исчезла. Но нечто гораздо сильнее смерти манило, притягивало его. Стена. Стена звала его. Тело Аргона, в течение четырех недель питавшееся одними настенными рисунками, почти целиком уже состояло из частичек стены. Сопротивляться было бесполезно. Аргон нетвердой походкой двинулся к стене и впитался в нее.

Когда жильцы дома, встревоженные выстрелом и ударами кувалды, сбежались в комнату, Аргон уже превратился в рисунок. Люди ничего не увидели, кроме стула, кулинарной книги и изрисованной стены. Кто-то заметил: «Смотрите-ка, Аргон нарисован прямо как живой».

— Какое безобразие! Дверь сломал, стену разрисовал. Это ему даром не пройдет! Куда он подевался, мазила несчастный?! — ругался консьерж.

Когда жильцы вышли, тихий голос из стены прошептал: «Нет, мелком мир не переделаешь». А потом по стене медленно сползла капля влаги как раз из нарисованного глаза Аргона.

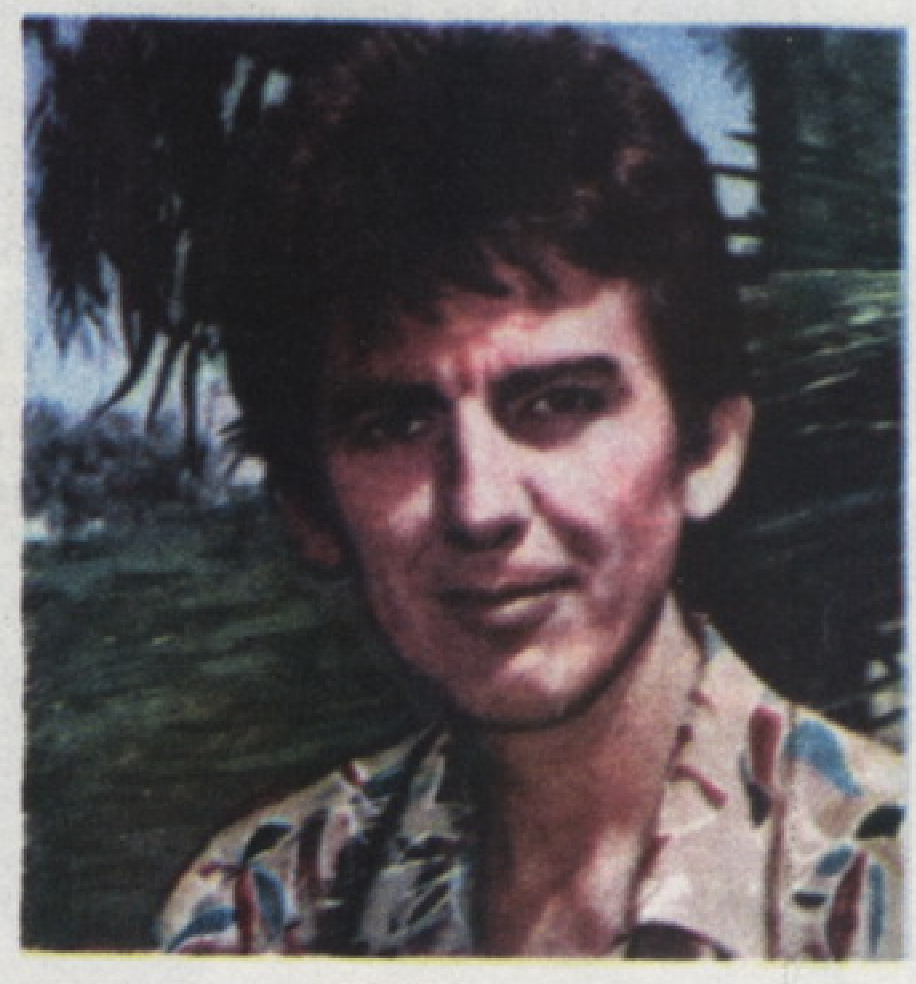
Перевел с японского
Г. ЧХАРТИШВИЛИ

А ЧТО ДЕЛАЮТ БИТЛЫ!

В конце 1982 года альбом «Джон Леннон коллекшн» занял первое место в Англии по количеству проданных экземпляров. Ушла в прошлое битломания, но число поклонников Леннона не убывает. Пол Маккартни занялся музыкой соул и выпустил две пластинки: одну со Стиви Уандером (их вы видите на снимке) «Черное дерево и слоновая кость», другую с Майклом Джексоном. Джордж Харрисон продолжает экспериментировать: в 60-е годы он включал в рок мотивы индийской музыки, теперь «Ушел в тропики». Так называется его новая пластинка, где использованы элементы полинезийской и латиноамериканской музыки. А Ринго Старр? Он молчит. Может быть, увлекся кино?

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Археологи предполагают, что так выглядел город Денне-джело, раскопки которого ведутся на территории современного Мали (снимок внизу). Десять веков назад это был крупнейший в Западной Африке центр торговли и ремесел с 10 тысячами жителей, в те годы население Лондона, например, составляло 20 тысяч. Древнее поселение обнаружено и на площади перед знаменитым Миланским собором.

НЕ ГУСТО

Супергруппа — это когда именитые музыканты собираются в одном ансамбле. А тут — весь ансамбль состоит из «обломков» супергрупп. Карл Палмер («Эмерсон, Лейк и Палмер»), Джон Веттон («Кинг кримсон»), Стив Хоу и Джефф Даунз («Йес»). Вместе — группа «Азия». Громкие имена и реклама сделали свое дело, первая пластинка шла нарасхват и... убедительно доказала, что четыре «супермузыканта» далеко не всегда способны вместе сочинять «супермузыку». «Половина песен о том, за что герой любит свою девушку, вторая половина о том, почему он ее не любит. Не густо»,— заметил один критик.

СЛАВА ПОПОЛАМ!

Делать фильм в компании звезд, да еще женщин, да еще красивых,— просто обидно. Вся слава достанется им. Злые языки твердят, что именно поэтому в новом фильме «Бинго-бонго» партнером Адриано Челентано выступает шимпанзе Ренато, «выпускник» школы актерского мастерства для животных. Сам Челентано объясняет свой выбор так: «Игра Ренато естественна до чрезвычайности и работать с ним — одно удовольствие. К тому же во время пауз он здорово смешит всю съемочную группу».

КОМУ ЧТО

У «Бони М» появился двойник — ансамбль «Гумбэй данс бэнд» (его вы видите на снимке). Поклонники диско пришли в восторг: какая спокойно привычная, давно знакомая музыка. И песня «Семь слезинок» заняла в Англии первое место, чему удивились даже сами ее исполнители. А «Бони М»? Они решили подреставрировать фасад: новый певец Реджи Цибо сменил уставшего Боби Фаррела. А еще говорят, в дискомузыке застой!

ПОИСКИ И НАХОДКИ. «Никогда еще мода не предлагала такого разнообразия, столь смелых решений, как в этом сезоне. После долгих дискуссий на тему «Как должна выглядеть современная девушка?» модельеры пришли к единодушному мнению: главенствующие стили одежды — классический и спортивный».

Журнал «Элегант», Париж, 1927 год.

ТРАМВАЙ СЛЕДУЕТ В... ЗАГС!

Празднично звеня, везет счастливую пару любимец города Галле (ГДР) — старый, добрый трамвай. 1 июля 1891 года Галле стал первым в Европе городом, на улицах которого бодро забренчало чудо цивилизации — электрический трамвай. Жители города не отказались от него даже во время кризиса 1923 года, когда за проезд надо было уплатить 150 миллиардов марок. Не хотят отказываться и сейчас.

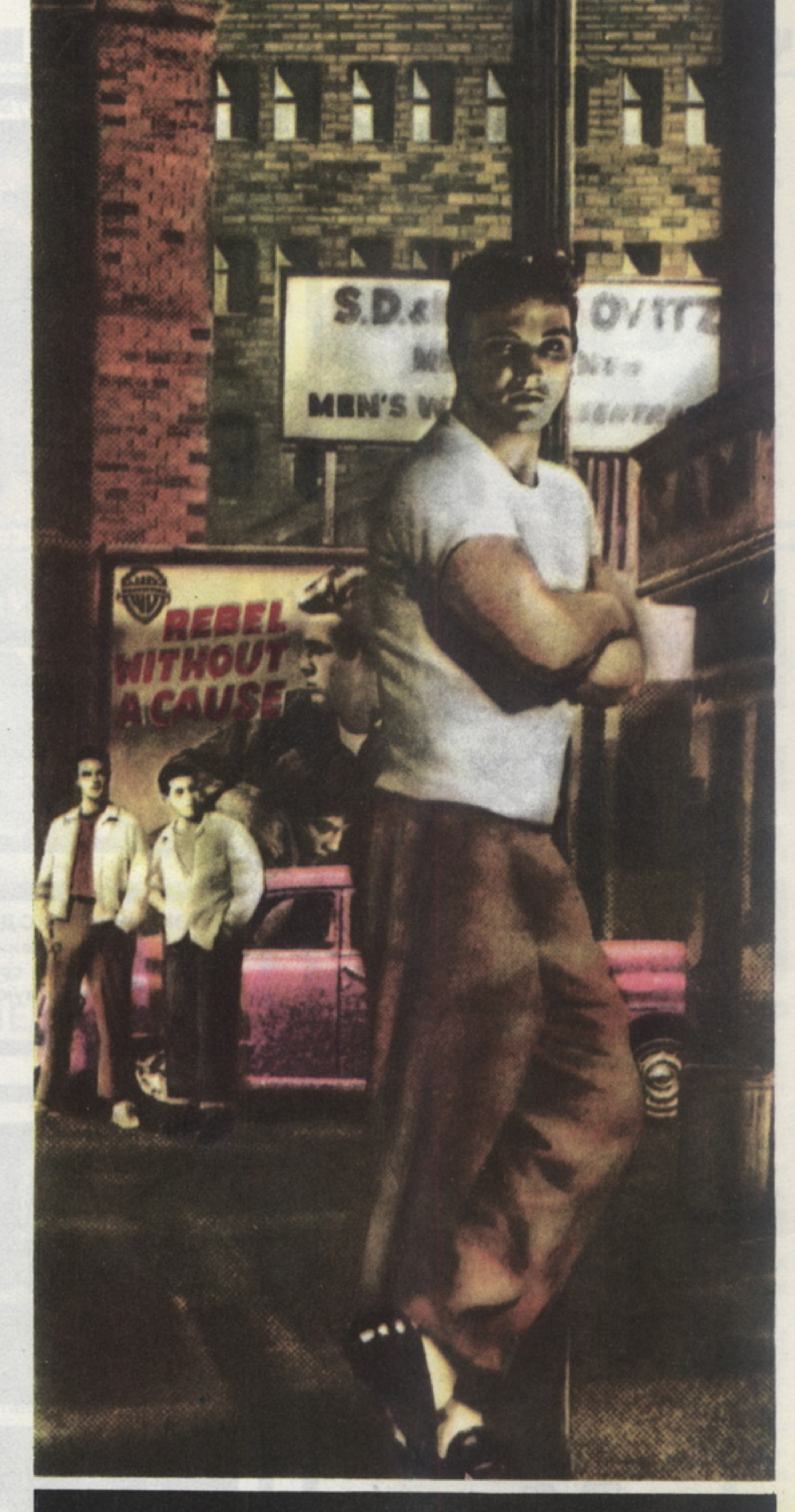

«МЫШЕЛОВКА» ДЛЯ КИНО

В прошлом году британская театральная общественность отмечала юбилей пьесы Агаты Кристи «Мышеловка». Вот уже тридцать лет она не сходит со сцен английских театров. «Мышеловка» вошла в классику детективного жанра, она переведена на 22 языка (в том числе и на русский), а в лондонском «Сэйнт Мартин тиэтр» вообще идет каждый день. Кстати, импресарио этого театра Питер Саундерз еще в 1956 году продал право на экранизацию пьесы, но с условием: съемки могут начаться только через полгода после того, как она перестанет идти в Лондоне. Сколько еще ждать владельцам прав на экранизацию?

НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ РОК-Н-РОЛЛ

А. ТРОИЦКИЙ

...у меня было все, что надо: красный свитер, синие штаны, стрижка под Марлона Брандо, портативное радио, мотороллер и Джакомина. И мне было восемнадцать! Наконец-то жизнь начиналась!

Для меня жить — это танцевать рок-н-ролл, не больше, но и никак не меньше.

Альберто Моравиа.
Жизнь — это танец

Какой смысл описывать картину? Ну, стоит молодой человек, прислонился к фонарному столбу, позади — вход в кинотеатр, висит афиша фильма «Бунтарь без причины». Описание смысла не имеет, зато имеет смысл расшифровка информации о приметах времени, отразившихся в картине, в том числе и в манере самого рисунка, того самого времени, о котором пишет и Альберто Моравиа. Молодой человек одет по моде пятидесятых годов; о том, что это пятидесятые, свидетельствует и репертуар кинотеатра: «Бунтарь без причины» шел именно тогда (главную роль играл Джеймс Дин, молодой человек чем-то похож на него, похож он и на Элвиса Пресли — собирательный образ?). В фильме речь шла о подростках. Название иронично, потому что, хотя причин для бунта было предостаточно, взрослые, уверовавшие в непогрешимость «американского образа жизни», не желали их видеть.

«Бунтарь без причины» на наших экранах не шел. Но у нас шел другой фильм, рассказывающий о жизни молодых американцев того времени — «Вестсайдская история». В основе сюжета история любви Ромео и Джульетты пятидесятых годов XX века, только вместо Монтекки и Капулетти — две враждующие шайки подростков «Акулы» и «Ракеты». Прекрасные мелодии Леонарда Бернстайна, зажигательные, но вполне уже балетные рок-н-роллы в постановке выдающегося балетмейстера Джерома Роббинса, колоритные костюмы исполнителей и мрачный фон, на котором развивается сюжет: темные кирпичные стены, нагромождение металлических конструкций, замкнутое пространство задворок большого города. В чем источник наивной и бессмысленной вражды «Акул» и «Ракет»? Они чувствуют, что что-то в их жизни не так, они чувствуют, как давят их эти глухие стены, но вырваться за них не могут и обращают свой гнев на себе подобных. И танцуют рок-н-ролл.

Время прошло, тот старый рок-н-ролл отошел в историю, а стены остались столь же глухими, изменились лишь костюмы и музыка тех, чья жизнь этими стенами стиснута. Но на основе старого рок-н-ролла сложилась современная западная рок-музыка, и поэтому понять ее, не зная, кто и с чего начинал рок-н-ролл, невозможно. Вот о них, первых, и будет наш рассказ.

Первое появление рок-н-ролла — песня «Рок вокруг часов» (или «Тряска под часами», если переводить слово «рок» в его первом значении), первая звезда — Билл Хейли. Круглолицый, с улыбкой официанта из первоклассного ресторана, с напомаженным завитком на лбу, Хейли совсем не походил на глашатая новой эры в популярной музыке. Короче говоря, он совсем не походил на тех молодых людей, для которых он пел. Более того, и сам «Рок вокруг часов» был написан за несколько лет до того, как стал точкой отсчета нового направления в популярной музыке, и назывался поначалу фокстротом. Он стал рок-н-роллом в исполнении сопровождавшей Хейли группы «Кометы», в которую, помимо вполне привычных для тогдашнего танцевального ансамбля инструментов, входили непривычные электрогитары и саксофон. Вот этот металлический звон гитар и отрывистый «лай» саксофона создавали то, что сделало прежний фокстрот принципиально новым танцем: они подчеркивали ритм. Напряженный ритм, иное звучание, значит — иные движения. Иногда в кинохронике можно увидеть старые кадры: рок-н-ролл в танцзалах пятидесятых годов. Они поражают до сих пор — эти кульбиты, пируэты, перекиды через бедро, нырки партнеров. Своего рода бескровная (хотя, кто знает...) уличная драка в одном ритме. Не было и нет танца более откровенно агрессивного...

Билл Хейли родился в двадцать седьмом году и долго и безуспешно пытался пробиться в кантри-музыке. Неплохой гитарист, посредственный певец, он первым из белых ис-

полнителей поп-музыки решился заглянуть за расовую перегородку, а там было гетто, грязные ночные клубы, убогие танцевальные пятачки. И музыка, которая задолго до рок-н-ролла была рок-н-роллом. Она называлась ритм-энд-блюз. Наблюдательный Билл зафиксировал ритм и звук. А также увидел, как можно танцевать, подчиняясь этому ритму. Шаг второй — «Кометы». Название типичной уличной шайки. Но рок-н-ролл так и не вышел бы на «белую» сцену, если бы Хейли не разбавил найденный ритм и звук мотивами кантри, не положил бы на новую музыкальную смесь вполне лояльные привычно-эстрадные тексты.

Не ведавшая ранее подобных звуковых переживаний, белая американская молодежь не утруждала себя размышлениями о происхождении рок-н-ролла, она просто танцевала до упаду и орала от восторга, когда видела, как делал мостик саксофонист, как обращался со своим инструментом контрабасист, как отчаянно дергалось потное лицо Хейли. Историк рок-музыки Ник Кон писал: «Это был прототип всех будущих рок-концертов. Музыка тонула в крике, свисте, топоте, реве, галерка тряслась так, что на людей, сидящих внизу, валились куски штукатурки. Все, что можно было расслышать,— это ритмизированный грохот. Большой «бит», чудовище...»

Стоило негритянскому ритм-энд-блюзу пробить расовый барьер, как вся система американской поп-индустрии, основанная на незыблемом принципе «черные — для черных, белые — для белых», дала трещину. На «белую» эстраду просочились темнокожие исполнители, и это было естественно: рок-н-ролл — музыка с «черными» корнями, и кому, как не представителям ритм-энд-блюза, надлежало показать настоящий рок-н-ролл. Суть этой музыки удалось сформулировать двум исполнителям, дебютировавшим в 1955 году.

Первого из них звали Литтл Ричард (псевдоним Ричарда Пеннимана). В детстве он пел в церковном хоре, и, видно, с тех пор осталась у него привычка смирно раскланиваться после каждой песни. Зато сами эти песни! Он хрипел, он визжал их на самых высоких нотах, и неистовая вокальная манера, и мимика контрастировали с относительной статичностью позы: обычно Литтл Ричард стоял слегка согнувшись над роялем и безжалостно колотил по клавишам. В нем чувствовалась невероятная внутренняя взвинченность, напряжение.

Первый бестселлер Литтл Ричарда назывался «Тутти-фрутти»: *«У меня есть подружка, ее зовут Джанет.*
Она лучшая девчушка на всей планете».
И припев: «Тутти-фрутти, олл рути», повторенный несколько раз.

Смысла в этом «тутти-фрутти», конечно, никакого нет. Что-то вроде заклинания? Тот первый рок-н-ролл был сродни шаманству: дух фольклорного африканского ритуала проявился в нем сильнее, чем в облагороженном, уже отшлифованном джазе. А Литтл Ричард сочетал в себе качества эстрадного «развлекателя» и древнего колдуна.

Если Литтл Ричард установил некий «энергетический» климат рок-н-ролла, то Чак Берри стал первым стилистом жанра, изобретателем множества приемов, без которых рок-н-ролл немыслим. Рядом с Литтл Ричардом Чак Берри выглядел просто изысканно. Тонкое насмешливое лицо, элегантные костюмы, тактичная, но не без лукавства манера общения с публикой. Именно он ввел в обиход множество танцевальных трюков и поз с гитарой, которые до сих пор повторяют исполнители рок-музыки. Песни у Чака Берри быстрые, «заводные», но не такие напористые, как у Ричарда; кроме того, у него безупречная дикция, и к словам не грех было прислушаться.

Чак Берри — первый поэт рок-н-ролла (среди поклонников его таланта — и Боб Дилан, и Джон Леннон). Ритм Хейли и вопли Ричарда притягивали одних и отпугивали других, и только Берри попытался членораздельно выразить чувства подростков. Нет, это не были песни протеста. Чак Берри пел о милых девушках, веселых танцах, быстрых машинах, но при этом молодой герой его песен был неглуп, ироничен (до того, что мог иронизировать над самим собой), этот молодой герой в меру своего понимания отстаивал свое право на самостоятельность, на неучастие в том, что ему не по душе, хотя он еще не мог точно определить, что же ему в этом мире не нравилось:

В школе у меня все о'кэй,
Говорят, что законы я не нарушаю,
Так что оставьте меня в покое,
Дайте побыть самому по себе!
В конце концов, я почти взрослый...

Берри стал для американского музыкального истэблишмента объектом особой ненависти. Возможно, еще и потому, что он был богат, удачлив, и при этом он был... чернокожим. (Кончилось тем, что власти сфабриковали против него обвинение и засадили в тюрьму. Хотя ему удалось доказать свою невиновность, но карьера была подорвана.)

Итак, стиль рожден. Теперь рок-н-роллу нужен был символ, очеловеченный кумир новой танец-религии. У Билла Хейли не было данных. У Чака Берри были все данные, но негр не мог быть идолом для белого большинства. «Дайте мне белого мальчика, который умел бы петь ритм-энд-блюз,— и я переверну Америку» — так говорил некто Сэм Филлипс, владелец мемфисской студии звукозаписи «Сан». Белый мальчик вышел на ловца: водитель грузовика Элвис Пресли зашел в студию, чтобы записать песню для мамы по случаю ее дня рождения. Семья была бедная, жила в негритянских кварталах, и Пресли смог хорошо узнать и полюбить «черную» музыку. Пел он прекрасно.

За тридцать пять тысяч Филлипс уступил Элвиса концерну Ар-си-эй, и в январе 1956 года Пресли впервые показали по телевидению. Коронация заняла три минуты — столько длилась песенка «Отель «Разбитое сердце»:

Когда моя крошка ушла от меня,
Я поселился в подходящем месте.
Это на задворках, в конце улицы Одиночества
В отеле «Разбитое сердце».

Гитара наперевес, стильный костюм, полузакрытые глаза, припухшие губы изображают улыбку усталого обольстителя... Образ создан.

Пресли не обладал ни мощью Литтл Ричарда, ни авторским дарованием Чака Берри, но он не был и суррогатом, вознесенным к славе только потому, что оказался в «нужное время в нужном месте». Элвис был по-настоящему талантливым и оригинальным артистом. В его голосе идеально сочетался взрывной напор негритянских певцов с чувственной манерой исполнителей бродвейских баллад и простодушием кантри. Его движения были естественны и раскованны, порой, правда, до вульгарности.

«Король» Пресли стал образцом для целого поколения американцев. Тысячи напомаженных поклонников в длинных пиджаках и синих замшевых туфлях (так называлась одна из знаменитых песен Пресли) атаковали бары и танцзалы городов и городков, а их девушки в белых блузках и юбках «солнце» (как партнерши Элвиса по фильмам) заполняли кинотеатры, чтобы в сотый раз увидеть своего единственного и растиражированного...

Самым печальным персонажем на этом празднике «стиляг» был сам Элвис Пресли. «Подлинным американским романом ужасов» назвал один рецензент вышедшую недавно биографию «короля рок-н-ролла», и в этих словах нет преувеличения. Элвис не принадлежал себе, он был марионеткой и «оживал» лишь на сцене. Менеджер и прочие, несть им числа, позаботились о том, чтобы нейтрализовать Пресли как личность, оставив только эффектную оболочку. Бедный «король» был малообразован, обладал, по-видимому, не ахти каким сильным характером и, едва спустившись со сцены, на пресс-конференциях, в интервью, превращался в покорного образцового американского обывателя.

Исполнители на роли «звезд первой величины» отобра-

ны, но на рок-небосклоне появляются «звезды» меньшего масштаба, чье творчество вызывает у публики немалый интерес. Первый из них — Джерри Ли Льюис. Его называли «Литтл Ричардом в «белом» варианте». Крупный блондин с одутловатым лицом и гигантским кудрявым чубом, он вел маниакальные атаки на рояль, забирался с микрофоном на крышку инструмента и оттуда падал в объятия публики. Сам Джерри Ли песен почти не писал; коньком его были «устрашающие» сверхбыстрые инструментальные номера (характерное название «Большая тряска продолжается»). Позже Льюис остепенился, и теперь его сильный баритон ласкает слух любителей кантри.

Джин Винсент, по плану его опекунов, должен был стать ответом концерна «Кэпитол» на Элвиса Пресли. Однако артист оказался не столь управляемым. Поэтому на сцене он продержался недолго, хотя до сих пор его песни, предельно искренне отражающие быт задворок больших городов, пользуются популярностью у американских и английских подростков. Джин Винсент был Гекльберри Финном популярной музыки: его помыли, приодели, но он так и не смог обуржуазиться.

Эдди Кокрен был хорошим гитаристом, голос имел вполне на уровне Элвиса, внешность скромную. Зато как автор он пошел дальше всех сочинителей тогдашних рок-н-роллов:

Я подниму шум,
Я устрою скандал:
Почему мне приходится работать все лето,
Чтобы заработать рваный доллар?
Я пришел к нашему конгрессмену,
Он мне заявил:
«Я бы рад помочь тебе, сынок,
Но ты еще слишком молод,
Чтобы голосовать за меня».
Иногда я гадаю: что же мне делать?
Но, видно, нет спасения от летней тоски.

«Летний блюз», «Что-то не то», «Собирайтесь все», «Сидя на балконе», «Уикенд» и другие песни Кокрена — нечто вроде путеводителя по проблемам молодежной Америки конца пятидесятых. Одиночество и насилие, романтика и безденежье, скука и политика... Причем, тема социального, классового недовольства прозвучала в рок-н-ролле, а возможно, и вообще в поп-песнях, в столь недвусмысленной форме впервые. «Я пойду со своими проблемами в ООН...» Наивно? Да, но Кокрену тогда было девятнадцать лет. Через два года он погиб в автомобильной катастрофе.

Бадди Холли был совсем иным. Темный костюм, белая рубашка, галстук-бабочка, очки. Любезная, чуть застенчивая улыбка не сходит с лица студента-отличника. И музыка его была другой: Бадди Холли не принял экспрессии и стремительного темпа ритм-энд-блюза. Он писал мелодичные песни в темпе чуть выше среднего, перекликающиеся не только с кантри, но и с «нормальной» сентиментальной эстрадой. Новым, уникальным было то, что милые мелодии «Крикетс» (так называлась группа Холли) шли в полностью «электрической» обработке. Музыка Бадди Холли стала прототипом рок-песен следующего поколения: она оказала большое влияние на «Битлз», а известная группа «Холлиз» даже назвала себя в его честь. Маленький переворот в шоубизнесе произвел и предельно «незвездный» имидж Бадди Холли, а также его невероятно слабые вокальные данные. Оказывается, можно стать поп-героем (а в популярности Бадди Холли уступал разве только Элвису Пресли) не благодаря исключительности, а, напротив, подчеркивая свою полную заурядность. Бадди Холли стал звездой миллионов неуклюжих, стеснительных ребят и маменькиных сынков. В феврале пятьдесят девятого он разбился в самолете на двадцать втором году жизни.

Шестидесятый год. Эру рок-н-ролла как ножом отсекли. Музыканты кто не у дел, кто резко сменил курс, кто погиб. А тут еще новый модный танец — твист...

Восемьдесят третий год. Элвис Пресли давно умер посреди своей улицы Одиночества, Литтл Ричард стал священником... Пик очередного «возрождения рок-н-ролла» — с душком ретро — был пару лет назад. Как танец, рок-н-ролл перешел в разряд бальных, входит даже в обязательную программу соревнований по танцам на льду...

рис. С. ТЮНИНА

...И ТОМЛЕНИЕ ДУХА

Тимоти ФЕРРИС, американский журналист

Слет Общества по исследованию пришельцев состоялся в Чикаго. Слетелись несколько сотен интересантов, в основном со Среднего Запада и из Канады. Я стоял в холле гостиницы рядом с высоким чернокожим репортером с телевидения и симпатичным молодым человеком из пригородного еженедельника. Между нами крутился некий господин, отрекомендовавшийся издателем журнала по проблемам НЛО.

Участники слета были молодыми и старыми, толстыми и тонкими, это были мужчины и женщины, и между ними не было ничего общего, кроме написанного на их лицах томления духа. Вообще-то в массе своей они были больше похожи на очередь за бесплатными колбами для термосов, обычную при торжественном открытии какого-нибудь нового суперсама.

Их возглавляли признанные лидеры псевдонауки: Ральф и Джуди Блум, авторы книжки о летающих тарелочках; Гомер Латроп Третий, астролог и парапсихолог; Джон Уайт, директор мистического института ноэтических наук («ноэтические» — значит воспринимаемые только умом науки, для которых характерна чисто абстрактная аргументация); Питер Томпкинс, автор книг «Потаенная жизнь растений» и «Секреты великих пирамид»; Брэд Стайгер, автор книг о привидениях, телекинезе и прочих чудесах.

И конечно, Эрих фон Деникен собственной персоной, мистер Древний астронавт, суперзвезда псевдонауки. Его основная идея: в доисторические времена Землю посещали пришельцы, и именно они являются создателями нашей цивилизации. Фон Деникен не является оригинальным автором этой идеи, он только запустил ее в крутой коммерческий оборот.

За несколько месяцев до слета я проштудировал все сочинения фон Деникена, чтобы понять, какими новыми представлениями он смог обогатить наше сознание. Ответ: никакими. Абсолютно все приведенные им факты неубедительны. Абсолютно все построения фальшивы. В книге «Колесницы богов» столько ошибок, что одно перечисление их заняло у меня двадцать страниц текста.

Я взял этот свой меморандум и отправился в Швейцарию, где живет фон Деникен. Приехал я в неудачный момент: в цюрихском суде как раз слушалось очередное дело по обвинению фон Деникена в дезинформации (судебный психиатр назвал обвиняемого «патологическим вруном»). Надо ли говорить о впечатлении, которое произвел на клиента мой двадцатистраничный меморандум. Расстались мы не лучшими друзьями.

Появление фон Деникена произвело в вестибюле настоящий фурор. Древний астронавт стоял в центре людского омута и посасывал трубочку. Увидев меня, он злобно прищурился:

— Вот человек, который пишет обо мне плохие вещи!

— Но ведь вы ничего этого не читали, Эрих.

— Неважно. У вас нет воображения. Вы не любите научную фантастику.

— Но я читал ваши книги.

— Мои книги не фантастика.— И он демонстративно отвернулся.

Джин Филлипс, толстый добродушный человек, который основал Общество по исследованию пришельцев и организовал этот слет, стоит у стола регистраторов. «Меня заинтересовали все эти дела после того, как я увидел по телевизору один из фильмов фон Деникена. В них я нашел ответы на массу интересовавших меня вопросов. Я, например, много думал, почему у индейцев Мексики и Перу такие же легенды, как у древних шумеров. И, как вы знаете, Кортес сумел покорить Мексику только потому, что у местных индейцев было предание о том, что их завоюет бородатый бог. Откуда пришел этот миф?»

Вступительный взнос в общество — от восьми до пятидесяти долларов в год. Филлипс видит себя защитником угнетенного маленького человека, от которого скрывают темную правду истории. «Я верю, что от среднего человека все скрывают попы и политики. Они держат правду под спудом, чтобы легче было управлять невежественными массами. Вспомните Уотергейт. Я верил Никсону — и был обманут. Попы и политики всегда обманывают народ».

В темном углу вестибюля вещает Гомер Латроп Третий. До меня доносится его глухой за-

ЛЮДИ, А-У!

могильный голос. «Начинается открытие непознанного. Все больше мы узнаем об Атлантиде, о Вавилоне и пришельцах. Мы знаем, что в структуре Шартрского собора заключены знаки каббалы. Пасха начинается в первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия. У Тихо Браге был медный нос. Это так таинственно».

В бар входит Эрни Сигерс, коммивояжер фирмы по производству компьютеров. «Я вступил в общество после того, как прочел «Колесницы богов». Еще ребенком я размышлял о невозможности познания пространства и времени, я спрашивал себя: «А что находится там, за бесконечностью?» Я думал об этом бессонными ночами и перестал верить в бога». Теперь он верит в Эриха фон Деникена.

Питер Томпкинс, автор книги «Секреты великих пирамид», придерживается мнения, что археологи тоже участвуют во всемирном заговоре ученых с целью одурить простых людей. «Это целая мафия — ученые. Они же договорились между собой. Вы видите, во что они превратили нашу планету? А бомба? Я пришел к выводу, что нашим миром правит тайное общество политиков и ученых еще во время второй мировой войны». Както Томпкинсу удаляли гланды, дали наркоз. «И тут я почувствовал, что душа моя отделилась от тела и стала самостоятельно путешествовать по комнате». Потом Томпкинс попробовал наркотик — и снова душа отделилась. На этот раз она спряталась за холодильник. После этого Томпкинс пришел к выводу, что человек суть субстанция духовная, а отнюдь не материальная.

Одним из чудес, представленных на слете, была фотография женщины, которую нельзя сфотографировать. На снимке изображена дама, сидящая на бампере автомобиля, а вместо лица у нее белое пятно. Фото демонстрировал Брэд Стайгер. Он сказал, что женщина предупреждала фотографа, что ее нельзя сфотографировать, «и, как видите, была права».

После выступления Стайгера я разговорился с двумя пожилыми дамами из Монреаля. У одной лицо было длинное и худое, у другой — круглое и плоское. Стоя рядом, они напоминали восклицательный знак.

— Вы верите в существование людей, которых нельзя сфотографировать? — спросил я у длиннолицей (она оказалась президентом Канадского метафизического общества).

— Да.

— Почему, ведь нет никаких доказательств?

— Потому что верю. А люди еще не готовы принять доказательства этого.

— Зачем же показывать фотографию, если нет доказательств?

— Так вы верите в науку? — она произнесла слово «наука» так, будто презреннее и грязнее слова на свете не бывает.

Я подошел к Брэду Стайгеру и сказал, что корреспондент нашего журнала хотел бы сфотографировать даму, которую нельзя сфотографировать.

— Нет ничего проще! Мой ассистент знает, как ее найти. Позвоните ему в понедельник, и он все устроит.

— Сомневаюсь. Не хочу вас обижать, но, я почти уверен, что-нибудь да помешает.

— Нет, нет, не сомневайтесь. Мой ассистент все устроит!

В понедельник я позвонил ассистенту. И, как я и предполагал...

Конечно, у него есть и имя, и адрес, но он не может их сообщить, так как дама просила этого не делать. К тому же это особа малосимпатичная и вряд ли она мне понравится. К тому же адресу уже десять лет, и она наверняка его поменяла, так как просто обожает переезжать. К тому же, когда ее снимали, ей уже было больше семидесяти, и она уже наверняка умерла. До свидания.

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

Комментирует писатель-фантаст Дм. БИЛЕНКИН

Утверждаю с полной ответственностью: нас ожидают волнующие открытия. Это неизбежно, потому что вселенная неисчерпаема, она богаче любых наших представлений.

По той же причине мы были, есть, всегда будем окружены неведомым. Существуют ли инопланетные цивилизации? Как объяснить загадки древней истории? Что таится в непознанных глубинах нашей собственной психики? Любой из нас может с ходу задать десяток подобных вопросов, в науке их счет на тысячи, возможно, на миллионы.

Однако науке присуща одна «скучная особенность». Она не торопится с категоричными выводами, и когда не знает чего-либо, то честно ответствует: «Пока неизвестно». А мы нетерпеливы, в нас горит драгоценный огонь любознательности, мы жаждем немедленного ответа!

И тогда нам спешат ответить деникены. Помню, лет десять назад на наши экраны прорвался фильм Деникена «Воспоминания о будущем». Отличная съемка, прекрасная музыка, горстка подлинных фактов истории. А под этим соусом было вот что.

...Камера панорамирует над пологом тропического леса. Открывается внушительных размеров воронка. Взволнованный голос диктора: «Вот они, эти загадочные образования в земле Юкатана, каких больше нет нигде на планете! Наука не в силах объяснить их происхождение. Так, может быть, это древние рудники инопланетян?»

Приглядываюсь к «загадочным образованиям». Ба, да это же самые обычные, знакомые еще по школьной географии карстовые воронки, каких тысячи в разных концах земного шара! Фильм длится. Еще подлог, еще и еще... Оглядываюсь. Замечают ли зрители, что их водят за нос? Многие нет, ошеломлены необычным, привыкли доверять слову с экрана, завороженные искусством подачи той смеси правды и лжи, которая является ключевым приемом так называемой «серой пропаганды».

Но, спрашивается, зачем деникенам спекулировать на нашем интересе к загадкам истории и тайнам природы? Да затем же, зачем спекулируют вообще. Тот же Деникен стал богатым человеком. И кто бы слышал о (фамилию можете подставить сами), если бы не его сенсационные выступления? Никто. А так — ореол борца с догматиками, шумиха, аплодисменты уверовавших.

Такие найдутся, какую чушь ни преподнеси (есть же где-то на Западе «общество сторонников плоской Земли»!). Заодно можно мифологизировать историю, «промыслом пришельцев» подменить законы социального развития. А кто против, тот «консерватор, догматик, соучастник заговора против истины», поди доказывай, что ты не верблюд!

И все-таки плохи дела у деникенов, коль скоро в союзники им приходится звать научную фантастику. Ведь трудно сыскать читателя, который бы полагал, что в середине прошлого века просторы океана бороздила подлодка капитана Немо, а в начале нынешнего Земля подверглась нападению уэллсовских марсиан: любой мало-мальски культурный человек понимает, что все подобные события происходят в мирах, созданных художественным воображением. Так, обращаясь за поддержкой к литературе, Деникен еще раз доказывает, кто он есть.

А открытия будут. Волнующие. Подлинные. Подчас непредугаданные. Только их сделает незатуманенный разум.

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ (ответственный секретарь)

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

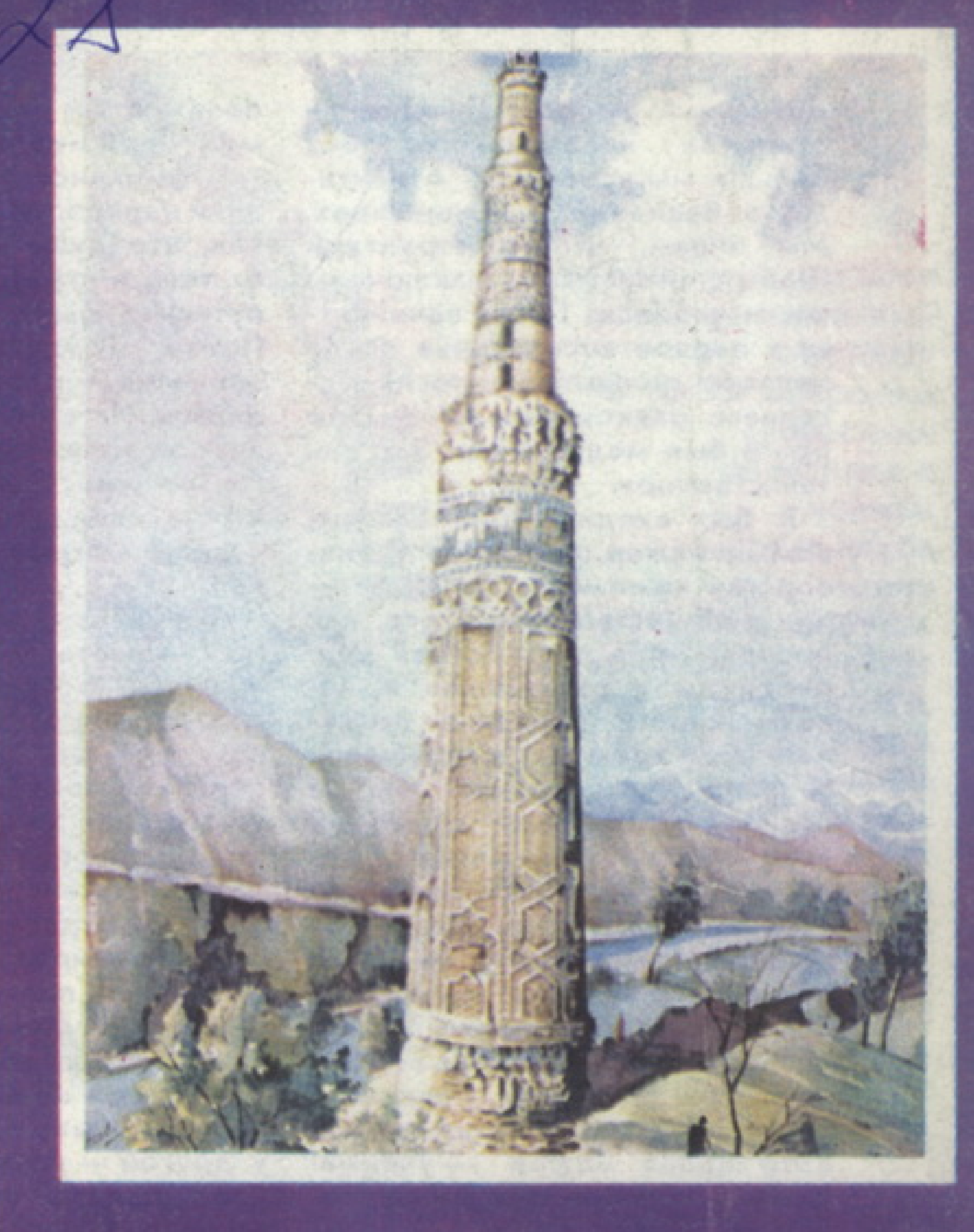
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

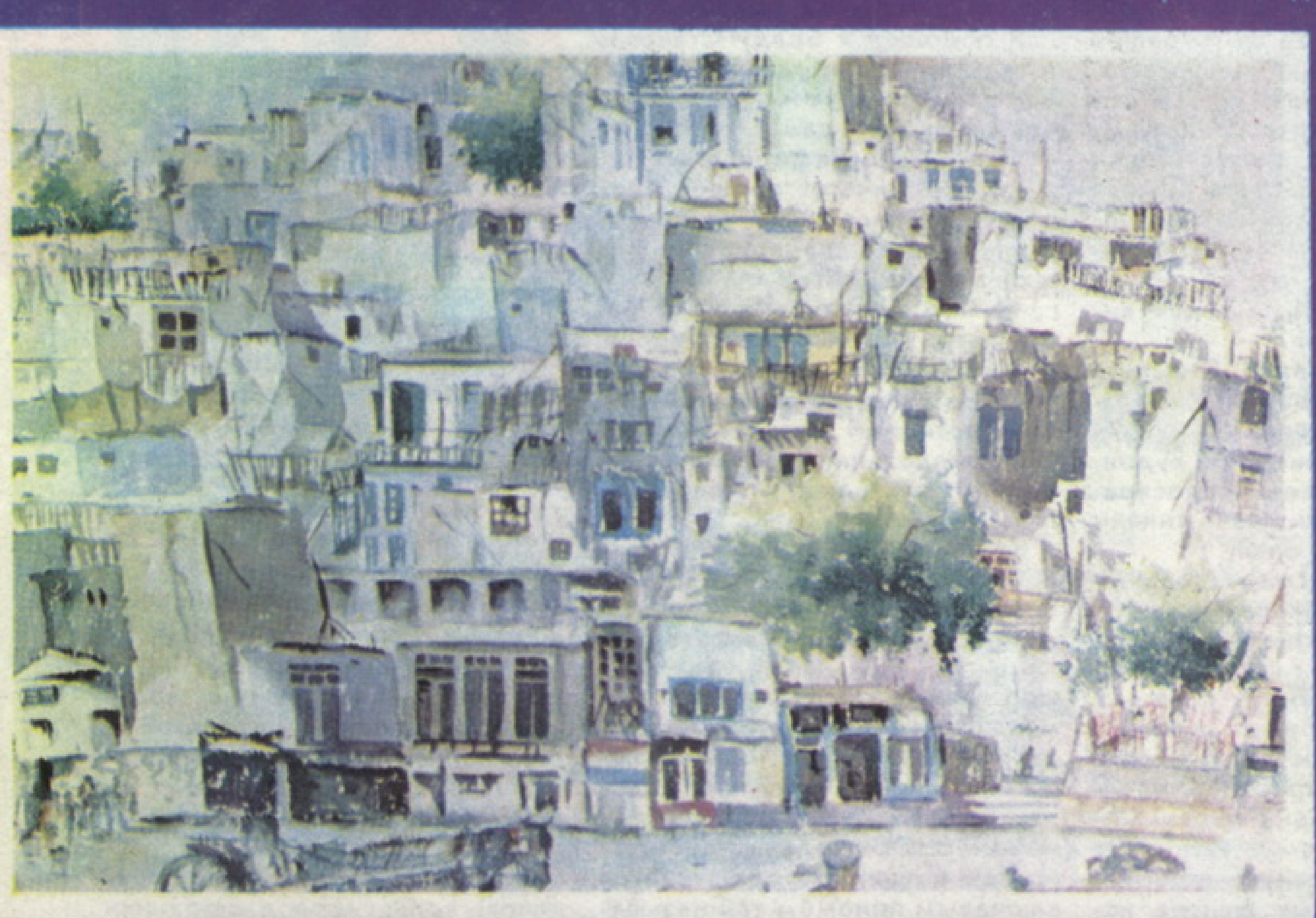
Сдано в набор 10.02.83. Подп. к печ. 15.03. 83. А00061. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 900 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 171.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

До недавнего времени в Афганистане практически не существовало станковой живописи, лишь в XIX веке здесь появились первые образцы карандашного рисунка. Но в настоящее время уже можно говорить о сложившейся школе афганской живописи. Ее отличают активное использование национальных традиций и творческое освоение западного, преимущественно европейского, реалистического искусства. Недавно в Москве состоялась выставка «Искусство Афганистана». На ней были представлены работы наиболее интересных мастеров старшего поколения, таких, как О. Гаусуддин и Ю. Кохзад, а также произведения молодых художников, пришедших в искусство уже после Апрельской революции 1978 года. В творчестве Д. М. Газневи и К. Чежти нашли отражение традиции, связанные с классическим наследием Среднего Востока. Другой молодой художник И. Шерзад отдает дань такому излюбленному для афганских художников жанру, как городской пейзаж.

И. ВЛАСОВА, искусствовед

Слева сверху вниз:
И. Шерзад. «Уголок Кабула»;
К. Чежти.
«Образец каллиграфии»;
справа сверху вниз:
Ю. Кохзад.
«Минарет близ селения Джам»;
Д. М. Газневи.
«Образец каллиграфии»;
О. Гаусуддин. «Старый базар в Кабуле».

Индекс 70781
Цена 35 коп.